

В ДЗЕРЖИНСКЕ

НАЧАЛО

Приезжаю в Дзержинск 20-го августа 1953 г. Иду на завод п.я. 18, где находился отдел "С", куда меня направили. И что же? Оказывается, на моем направлении написали только п.я.18, а отдел "С" забыли. П.я. 18 -это большой завод, а отдел "С" - научно-исследовательская лаборатория, расположенная на территории завода, но имеющая своего руководителя - к.х.н. Рылова Евгения Евлампиевича. Начинается волокита, гл. инженер завода не хочет меня отпускать, уговаривает, но я уперлась - раз послали в отдел "С", значит, хочу туда. А тут еще встретила с нашей кафедры Колю Окладнова, который здесь проработал уже год. Он советовал идти только в отдел "С". Если бы он не встретился, я, наверное, уже согласилась бы идти работать на завод. Гл. инженер Кулев Э.А. уже написал на моем направлении, в какой цех мне идти. Это было производство ФАД (фенол-ацетон). Он пугал меня, что в отделе "С" в перспективе меня ждет только работа инженера по технике безопасности. Но я добилась своего и 4-го сентября 1953 г. меня оформили в отдел "С". Тогда еще у отдела и завода были общие службы, в т.ч. и отдел кадров. Предварительно ко мне вышел поговорить руководитель отдела Рылов. Узнав, что в дипломной работе я занималась кинетикой полимеризации, определил меня в группу Льва Ивановича Ефимова. Мне выписали пропуск через проходную и я с колотящимся сердцем от волнения вошла в здание, где находился отдел "С". Мне нужна была лаборатория № 1. Время было отпускное, сам Лев Иванович сдавал экзамены в заочную аспирантуру в Москве. В той комнате лаборатории, куда я вошла, я увидела странную картину - сидит лаборантка в халате на высоком табурете и трясет в руках на коленях большую, 3-х-литровую колбу с белой эмульсией. "Неужели нет мешалок?" - подумала я. Оказалось, что так поступали со сметаной, полученной на "молочные" талоны, чтобы превратить ее в масло. И я потом сама не раз так делала, т.к. молоко не любила пить, и талоны "отоваривала" сметаной.

Меня поселили жить в центральной гостинице на площади Дзержинского, тогда еще не было гостиниц "Дружба" и "Черноречье". Кроме центральной была еще гостиница при заводе п.я. 16, сейчас "Капролактан". В номере нас жило четверо молодых специалистов, мои соседки работали на других предприятиях. Из окна виднелся сквер, и я выбрала себе "свой клен", следила за ним, как он с приходом осени желтел, потом опадали листья. Над кроватью повесила репродукцию картины Бродского "Буревестник", мне нравилось, как там изображен Горький. Я, когда училась в институте, почему-то решила, что он мой самый любимый писатель, может быть, потому что активно посещала театры и пересмотрела все пьесы Горького. Когда я ушла из гостиницы, на мое место поселили Зиночку Ефремову. Она тоже работала в нашей лаборатории, мы с ней подружились. Она рассказывала, что портрет Горького продолжал висеть и над её кроватью. Мы с Зиной одно время работали в одной комнате, вместе дежурили в ночные смены, когда нужно было вести непрерывный процесс

полимеризации. Она меня называла "Буратино" из-за выделяющегося носа на худом лице - когда я приехала в Дзержинск, то при росте 160 см весила 48 кг.

Итак, я начала работать в группе кинетики под руководством Льва Ивановича Ефимова. Первое время в группе работал и знакомый мне по институту Окладнов. Лев Иванович - участник войны, талантливый и изобретательный человек, с очень умелыми руками и романтической душой. Он хорошо рисовал и писал стихи, мог сходу разобраться в устройстве нового прибора, умел быстро проанализировать процесс и сделать выводы. Но ему не хватало силы характера, и он не сумел преодолеть какой-то внутренний барьер, чтобы защитить диссертацию. В 60-70х годах он был уже известным специалистом в области кинетики полимеризации, у него уже было много материала по этому вопросу, ему предлагали видные ученые защищать работу у них на Советах. Это академик Каргин В.А., который был консультантом нашего отдела, а потом и института, академик Ениколопов Н.С. и другие видные ученые в области полимеризации. Но он так и не сумел преодолеть себя, чтобы заняться рутинной работой, связанной с оформлением диссертации и её защитой. Осталось в моих записях его высказывание: "Кандидатская диссертация - это абсолютная истина, к которой я приближаюсь асимптотически".

В группе кроме меня младшим научным сотрудником была Луиза Петровна Юферева, её мы с подругой Людой Ворониной звали "Ваше Величество Елизавета Петровна", потому что она было похожа на дочь Петра I, а себя величали фрейлинами. У неё были утонченные манеры и приятный характер.

Нашу группу переселили в здание ЦЗЛ, принадлежащее заводу, и мы оказались на отшибе от отдела "С". В одной комнате с нами работала москвичка Ольга Михайловна Подуровская, её направили в отдел "С" в длительную командировку с целью оказания помощи в разработке методов анализа, в частности, перекисных соединений. Она тоже жила в гостинице, но только в одиночном номере. Как-то я заболела, не выходила из своего номера, была на больничном. Вечером она пришла меня проведать, конечно, с угощением, и так смешила моих тоскливых соседок, что они с трудом удерживались, чтоб вовсе не расхохотаться.

С этого момента мы с Ольгой Михайловной подружились навсегда, т.е. до её смерти 3 марта в 1977 г. А родилась она 27 января 1904 г.

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ПОДУРОВСКАЯ.

Чтоб рассказывать об Ольге Михайловне, нужно иметь легкий и веселый стиль. Но придется говорить так, как получится.

Ольга Михайловна была очень образованным, эрудированным человеком - знала три языка, много штудировала иностранной литературы, читала французские романы в подлиннике, хорошо разбиралась в музыке, была кандидатом химических наук, а тогда в Дзержинске это было редкостью. Её двоюродная сестра Вербова преподавала вокал в училище им. Гнесиных в Москве. В числе её учеников наряду со многими был Иосиф Кобзон и Коржакова - солистка оперного театра в Нижнем Новгороде, меццо-сопрано.

Ольга Михайловна в Москве сначала жила в коммуналке на ул. Алексея Толстого, а затем в коммуналке на Большой Молчановке. Здесь у неё было две комнаты. Она не имела семьи, но с нею многие годы жила Паня - помощница по дому. Паня работала уборщицей в училище Гнесиных и однажды притащила оттуда большой портрет Гнесиной Е.Ф., который хотели выбросить за ненадобностью. Она его поставила в своей комнате, хотя он занимал много места, ей стало жалко его.

В 1953 г. в гостинице жили ещё молодые специалисты - Витя Лихтеров и Карл Минскер, которые тоже подружились с Ольгой Михайловной. Они уже были женаты на красавицах Ирме и Руфе. Ирма Лихтерова ещё заканчивала институт Ленсовета в Ленинграде. В начале 1954 г. появилась из Москвы тоже молодой специалист после окончания физфака МГУ Ивета Разинская. Так и образовалась наша семья: Ольга Михайловна - мама, я и Ивета - дочери, Витя и Карл - сыновья, а Ирма и Руфа - невестки. В сентябре 1954 г. с Ольгой Михайловной начала работать после окончания Ленсовета Света Лапицкая. Её Ольга Михайловна называла племянницей. Поскольку я тоже работала в этой же комнате, мы со Светой сблизились, подружились, у нас оказалось много общего. До сих пор мы поддерживаем связь, хотя и не часто - она в Гомеле, я - в Дзержинске.

Незабываемые вечера, когда мы все собирались в доме нашей "мамы", она обязательно нас угощала чем-нибудь вкусным. Тут я впервые попробовала салат "оливье" с крабами. Баночки с крабами "Снатка" стояли на полках во всех магазинах и "чапках". Так назывались продовольственные ларьки неказистого вида, просто деревянные. Эти банки в народе тогда не пользовались успехом, были засижены мухами. Позже, когда были трудности в магазинах с продуктами, мы со вздохом вспоминали эти времена. Но главное, что нас влекло в номер к Ольге Михайловне, это атмосфера остроумия, брызжущего веселья, неудержимого смеха. Сама наша мама часто принимала нас лежа, отдыхала после работы, при этом в руках у неё был французский роман и она, шутя сквозь слезы, рассказывала его сентиментальное содержание. Смеялась она хорошо, наши удачные шутки вызывали у неё взрыв смеха до слез.

Меня она приучила ходить регулярно в техническую библиотеку и заниматься с химическими иностранными журналами. И надо сказать, что я её уроки старалась выполнять, пока работала. Я стала посещать кружок английского языка и даже сдала экзамен - кандидатский минимум - на 5. А когда училась в Менделеевском, там изучала немецкий.

Во время проведения опытов и просто в общении Ольга Михайловна в зависимости от настроения сопровождала свою речь остроумными словечками, афоризмами, чем воодушевила меня записывать в блокнот интересные высказывания не только её, а всех членов группы. Вот она с серьезным видом, держа в одной руке колбу, а в другой пипетку и думая, конечно о реакции и перекисях, при плохом результате опыта трагически произносит: "Человеку свойственно переходить от счастья к отчаянию".

После неудачного опыта у неё портилось настроение, она становилась серьезной и озабоченной, даже бросалась в панику и нас заставляла работать, не отвлекаясь. При этом могла нас и отругать, сказав, например, с подковыркой:

"Скромность - украшение девушки, но для химика она не нужна". Она давала нам своеобразные советы по отношению к мужчинам, упирая на то, что главное в человеке - ум: "Мозги - главный вид опьянения". При хорошем настроении мы от неё слышали и такое: "Если мужчина не похож на жабу, значит, он красавец". И уже совсем другим тоном, со вздохом: "К несчастью, женщины имеют такую слабость - быть равнодушными к мужчинам". С нею первое время работала Люда Воронина, она тоже окончила, как и я, Менделеевский институт, только другую кафедру. В институте мы не были знакомы, а здесь стали друзьями. Нас связывали воспоминания о Москве, об институте. Она любила пошутить, пофантазировать. Когда я уже не жила в гостинице, мы с нею оказались в одном доме, но в разных подъездах, на пятом этаже. Люда придумала протянуть с её балкона на мой веревку с колокольчиком, мы дергали её, вызывали друг друга на балкон, чтобы поговорить.

Сначала лаборантом у Ольги Михайловны работала красивая Рая Давлятчина. Она была из татарской семьи, а роман у неё был с русским парнем. Они по вечерам ходили в парк на танцплощадку. Нам с Людой она серьезно советовала тоже ходить на танцы, чтоб познакомиться с мальчиками и не остаться старыми девами. Родители возражали против её дружбы с русским, и вот она выходит замуж за татарина. Она стала после этого грустной, а раньше была всегда каким-то всплеском радости, неудержимости. Ольга Михайловна имела обыкновение нас, всю группу, водить в театр. Мы радовались этому, т.к. лишних денег у нас никогда не было. Вспоминаю, как в театре зрители невольно оглядывались и засматривались на Раечку - там у неё от радости и волнения необыкновенно светилось лицо. В августе 1955 г. зав. лабораторией Михаил Алексеевич Рубцов набирает людей для отправки в колхозы на уборку овощей и включает в список Раю. А она только что вышла замуж, и поэтому нас несколько человек упростили его не посылать её в колхоз - "ведь у неё медовый месяц!". И буквально через неделю разносится весть, что Рая отравилась дихлорэтаном, им тогда часто травились. Был выходной, ко мне пришла сотрудница из нашей группы Вера Федорова, которая жила в одном доме с Раей около завода, и сообщила, что у Раи с мужем были ссоры, она, видимо, заранее уже решила отравиться, и держала дома этот яд. Её увезли в больницу, где она кричала и умоляла её спасти. Я побежала к Рубцову домой, по пути встретилась мне Света Лапицкая с арбузом в руках и мы пошли вместе. Михаил Алексеевич сокрушался: "Я же хотел её отправить в колхоз, так вы не дали", мы чувствовали себя виноватыми. Рая прожила в мучениях два дня и умерла. На похоронах вдали от всех стоял тот самый парень, которого Рая так и не смогла забыть.

Ольга Михайловна устраивала нам культпоходы за свои деньги не только в дзержинский театр, а и в горьковские театры. Особенно мне понравилась в те годы опера "Евгений Онегин" в оперном театре, очень запомнилась Татьяна. Когда Ольга Михайловна уже уехала в Москву, мы были её частыми гостями, а я даже с ночевкой. В Дзержинск она присылала нам к праздникам обязательно конфеты. Стоило к ней придти в Москве на Большой Молчановке она первым делом говорила, не спрашивая: "Сейчас я буду Вас кормить". Она заболела тяжелой болезнью, лежала в больнице. Последней из нас, кто её видел в живых, была Ивета - она посетила её в больнице в ее последний день рождения и

передала от нас подарок и поздравления. На похоронах из дзержинских детей были Ивета, Витя и я, а также родственники и бывшие московские сослуживцы. Под звуки органа в крематории гроб с её телом медленно опустился в небытие.

ОТРЫВКИ ИЗ ЖИЗНИ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА

Отдел "С" постепенно расширялся и превратился сначала в филиал московского института, а затем в самостоятельный институт, который после смены разных названий стал окончательно НИИ полимеров им. академика Каргина. Конечно, это произошло не сразу, а в течение многих лет. Но свое летоисчисление он ведет от 1949 г., когда еще не был институтом, а просто лабораторией № 10. В этом году, когда я пишу эти строки, институту исполняется 50 лет.

На работе я познакомилась с другими молодыми специалистами и одна из них, Лиза Первушина, стала агитировать меня перейти жить к ней в комнату общежития. На тот момент она осталась жить одна в 14-метровой комнате в двухкомнатной квартире с соседями - семьей из трех человек. Откровенно говоря, мне не хотелось уходить из гостиницы и расставаться с нашей веселой компанией, но нельзя же было вечно жить в гостинице. И я к началу 1954 г. перешла на новое местожительство в пятиэтажный дом, на 5-й этаж, на углу улицы Ленина и переулка Жуковского. Перед этим Лиза приложила много усилий, чтобы мне разрешили поселиться с нею в комнате. Она обошла все нужное начальство завода, и добилась этого. Комната была довольно просторная, светлая, с балконом. Была и мебель: стояли две казенные кровати, стол, тумбочки. В квартире был большой коридор, большая кухня, кладовка. В ванной не было печки для подогрева воды. Газа еще не было, пользовались электроплитками, позже купили керогаз. Лиза часто уезжала к друзьям в Горький и, чтоб не быть одной, я приглашала к себе ночевать из гостиницы Ивету. На первый Новый год ко мне приехала погостить Оксана Изакова, мы с нею жарили на плитке картошку, а она все горевала: "Что ж ты мне не сказала, что у вас нет в магазине красной икры, я бы привезла".

В 1954 г. мой папа как раз закончил учебу в Высшей торговой школе в Москве и родители решили перед возвращением в Ворошиловград прислать часть имущества, которое успели приобрести за три года учебы. Тот факт, что у меня появилась комната, хотя и на двоих, этому благоприятствовал. Вещи я получила в контейнере, за которым ездила в Горький. Мне прислали трехстворчатый шифоньер с зеркалом, ковер к кровати, две этажерки, четыре приличных стула и, самое главное мое богатство - 200 пластинок с оперной и другой классической музыкой. То, что я приобрела за 5 лет учебы. Пластинки были тяжелые - более легкие долгоиграющие только-только начинались, и у меня их не было. Папа удачно упаковал пластинки в деревянный ящик, т.ч. они не разбились. Прислали и радиолу Урал-47. Это послужило стимулом для организации классических концертов в нашей комнате. Приходило обычно человек 10-15, и я с небольшими объяснениями ставила пластинки. Запомнила, что был концерт по 1-й симфонии Чайковского, произведениям Сметаны, Шуберта и Рахманинова. Организовали и концерт по заявкам. Отчетливо запомнила, что Лиза заказала "Порыв" Шумана, Клава Смирнова - "Влтаву"

Сметаны, а я всем предложила послушать "Вокализ" Рахманинова в исполнении ансамбля виолончелистов. Ольга Михайловна на наши музыкальные сборы приносила всегда печенье, кексы. На концерты приходил и Женя Самарин. Однажды было столько людей, что некуда было присесть, и он стоял у дверей с букетом сирени, который принес с собой, и смущался. Наконец, догадался положить сирень на этажерку. Позже он мне подарил долгоиграющие пластинки - 6-ю симфонию Чайковского и "Рассвет на Москва-реке" Мусоргского. Последнюю он сам очень любил, а 6-я симфония - это моя любимая и Эйхлера, о котором я рассказывала ранее.

Летом 1954-го г. мы с Женей ходили на прогулки в луга, где он мне показал дикий лук, о котором я не слышала ничего, и дикий ирис. Однажды поехали кататься на лодке, когда произошел смешной случай. При выходе из затона в Оку Женя опустил весла и не заметил, как мы врезались в бакен, поскольку он сидел спиной к носу лодки. От толчка он не удержался и упал назад, а я еле сдерживала смех, но не смеялась, т.к. понимала, что ему от всего этого было не по себе. Всю жизнь он вспоминал этот каверзный случай и удивлялся, что я не расхохоталась.

В комнате, где я работала, образовался дружный коллектив из группы Льва Ивановича и сотрудников Ольги Михайловны. Было трое молодых специалистов - Люда Воронина, Лиля Юферева и я, и лаборанты - уже опытная Вера Федорова, Рая Давлятчина и в 1954 г. пришла после окончания техникума Тамара Долгополова. В этом же году появилась и Света Лапицкая - младший научный сотрудник. Позже лаборантом работал Саша Муравьев, ему было 17 лет и, как несовершеннолетний, он уходил с работы на час раньше. Оклады наши были такие: мл. научный сотрудник - 1000 руб., лаборант 1-й категории - 700 руб., 2-й - 600 руб. Это, конечно, в ценах 50-х г. При Хрущеве появились "Булганинские" премии, они выдавались поквартально. Никто из нас не знал, за что их дают, но все им радовались. Ежемесячно получали талоны на молоко. Вместо него можно было брать сметану, масло, а иногда и другие продукты.

Первый Новый год, 1954-й, в нашем небольшом коллективе мы отметили очень торжественно. У меня возникла идея выпустить газету, название я тоже придумала - "Искатели счастья". Газета выпускалась один раз в год, к новому году, в течение 10 лет. Лев Иванович оформил газету рисунками, сочинил стихи и прозу. Активное участие в газете принимал и Коля Окладнов. Он тоже считался членом нашей группы в первое время, но располагался в основном здании. На торжество мы пригласили молодежь из нашей и других лабораторий. Я выставила на обозрение первый сборник афоризмов. Там были изречения не только наших сотрудников, но и других, которых можно было услышать, например, на семинарах или собраниях. Сборник имел успех и сам заслужил свой афоризм, который тоже был записан (со слов Окладнова) и звучал примерно так: "Сборник афоризмов - это луч света в нашем темном царстве". У каждого афоризма стояла дата, когда он был произнесен, и автор. Всем понравилось изречение ст. лаборанта Веры Федоровой от 29 октября 1953 г: "Нужно усовершенствовать недостатки". Эту фразу потом мы часто применяли.

В институте видной фигурой был Рафаил Яковлевич Хвиливицкий. Он возглавлял одну из лабораторий и к тому же был очень активный общественник.

Был и председателем месткома, редактором институтской газеты и организатором вечеров. Позднее он занимал много постов в городском масштабе. А тогда я была в составе его редколлегии, и он вовлек меня в подготовку праздничного вечера к 1 мая 1954 г.

Мне было поручено организовать пляски, для чего я набрала коллектив из шести девушек, трое из которых должны были изображать ребят. Нашли подходящие костюмы, репетировали в библиотеке без музыки, "под язык", мне приходилось самой напевать вместо аккомпанемента. А сама я решила тряхнуть стариной и сыграть на вечере "Элизе" Бетховена, я ее помнила еще со школьных времен. Несколько раз ходила репетировать на квартиру к Хвиливицкому. Его жена Лидия Александровна, известный преподаватель музыкальной школы, давала мне советы, как играть отдельные места, и сама их проигрывала. Потом на вечере она подошла ко мне и похвалила со словами: "Когда же Вы успели так выучить!" Перед началом вечера мы очень волновались, я - из-за танцев. Особенно, когда исчез один из моих "парубков". Оказывается, девушке, исполнявшей роль казака, понадобилось для храбрости сбегать в буфет и выпить сто граммов перед выступлением. Я от изумления ничего не могла сказать. Хвиливицкий тоже волновался, он должен был вести концерт. За кулисами он подошел ко мне и попросил помочь прикрепить к его пиджаку медаль лауреата Сталинской премии, для чего дал мне ножницы, чтоб я провертела ими дырочку на отвороте пиджака, что я безжалостно и сделала.

Вечер проходил во дворце культуры завода "Заводстрой", недалеко от него. Чтоб туда попасть, надо было перейти много железнодорожных путей. Тогда еще не построили новый Дворец химиков в центре города по подобию Нижне-Тагильского. Вечер прошел интересно, потому что все тогда знали друг друга. Во время исполнения танца у моей подруги по комнате Лизы, выступавшей в мужской роли, стала слетать с головы папаха, она со смехом ее поправляла, продолжая плясать. Этим была недовольна ее напарница Галя Полякова, она очень серьезно относилась к своей роли. Потом еще Лиза прочла с воодушевлением Симонова - "Мой друг Самед Вургун". Мои друзья и братья по гостинице Витя Лихтеров и Карл Минскер изображали на сцене картинку из жизни стеклодувной мастерской, всем было смешно и понятно, о чем шла речь. После моего исполнения "Элизе" Хвиливицкий схватил с окна горшок с геранью и шутя мне преподнес, при этом заставил несколько раз поклониться, для чего выводил меня за руку. После концерта были танцы, Лихтеров всех девушек поставил в хоровод и смешил своими выходками. Женя меня пригласил в буфет, а когда кончился вечер, мы вместе ехали в трамвае домой. Наверное, с этого вечера мы больше обратили внимания друг на друга.

Часто к нам с Лизой заходил Коля Окладнов. Мы ведь с ним учились в МХТИ на одной кафедре. Он мог подолгу сидеть у меня дома, ремонтировать радиолу и при этом ни о чем не говорить. Некоторые считали, что он оказывает мне особые знаки внимания, но я этого не замечала, разве что из командировки из Ярославля привез мне толстую букинистическую книгу композитора Вагнера "Моя жизнь".

Нас периодически посылали в совхозы и колхозы на сельхозработы. Мы с Людой Ворониной долго помнили, как однажды ездили на прополку капусты.

Было дано задание всем прополоть по 10 рядов. По мере того, как двигались к концу поля, мы с Людой обнаружили, что число рядов у меня и у нее возрастает и увеличилось вдвое. Мы с нею уже еле ползали, а другие за наш счет быстренько добежали до конца и смотрели снисходительно на нас. Мы с Людой тогда еще были неопытными, и не догадались, что нас провели. Вечером мы не могли шевельнуть ни рукой, ни ногой, а утром еле встали с постели. Бабенки, которые с нами работали на поле, осудили нас без зазрения совести как белоручек, хотя сами нас и обманули.

27 января 1954 г. в нашей комнате на работе собралась вся лаборатория чествовать Ольгу Михайловну - ей исполнилось 50 лет. Мы устроили чай, Ольга Михайловна угощала всех конфетами. Тогда коллектив был небольшой, пришли и слесари, и уборщицы, и стеклодувы. Шуткам и смеху не было конца, сама именинница была в ударе. Нам тогда казалось, что 50 лет - это так много! После чаепития Ольга Михайловна велела нам собрать все обертки конфет из фольги, которыми она оборачивала резиновые пробки.

На работе мы играли в "котел" - каждый месяц несколько человек складывались по определенной сумме, а выдавали весь "котел" тому, чья подошла очередь. Это была неофициальная касса взаимопомощи.

К праздничным демонстрациям готовились заранее. К маю нарезали березовые и тополиные ветки, ставили их в воду, чтоб на них появились зеленые листочки, и украшали их разнообразными бумажными цветами. Тут буйную фантазию особенно проявляла Люда Воронина. Цветы делали из тонкой папиросной бумаги, она у нас называлась "филигран". Сбор нашей колонны назначался, как писали в объявлении, - "у дома Хвиливицкого", т.е. на углу улицы Ленина и другой улицы, сменившей с 1953 г. несколько названий. Сначала она была "им. Кагановича", затем - "Мира" и, наконец, стала улицей "им. Клюквина".

О Клюквине хочу рассказать особо. В 54-м году меня вдруг приглашают зайти в горком комсомола. Мы все переполошились, т.к. решили, что меня хотят забрать на комсомольскую работу, а мне не хотелось - я только начинала работать по специальности, и будущее мне представлялось очень интересным. Я занималась изучением процесса полимеризации и только входила во вкус. Ольга Михайловна пошла к руководителю отдела Рылову просить, чтоб он поговорил в горкоме, но он отнесся к этому спокойно. В назначенный день и час мы с Иветой пошли в горком, а Ольга Михайловна осталась в гостинице переживать за меня - удастся ли мне отказаться. Ивета пошла со мной для поддержания духа.

Я вхожу в кабинет 1-го секретаря горкома комсомола, а им был как раз Василий Федорович Клюквин - красивый и доброжелательный человек. Действительно, он решил для работы в горкоме комсомола набрать молодых людей с высшим образованием и начал с меня. Возможно, он обращался к нашему начальству и ему предложили поговорить со мной. Итак, я с замиранием сердца сидела на стуле перед Клюквиным, а Ивета в это время находилась в коридоре, там был ремонт, стояли в куче столы и на одном из них она и уселась, ожидая моей участи. Клюквин предложил мне для начала работать инструктором. Но я заранее была настроена против любой работы в горкоме и от всего отказывалась. Мне было неудобно возражать, но я старалась, и добилась

того, что Клюквин согласился со мной. Вспоминаю, какое приятное впечатление осталось от встречи с ним.

Но на этом разговор не кончился. Клюквин обратился ко мне с вопросом: "А кого Вы могли бы порекомендовать для работы у нас?" И стал смотреть на список людей на столе, там оказались все наши молодые специалисты. Теперь я понимаю, что тогда повела себя неправильно, я думала, что, как и мне, другим тоже не захочется уходить с работы по специальности, и старалась всех отстоять. В частности, я помню, что отговорила его от Агафионовой, сказав, что она очень нужный специалист на опытной установке; от Окладнова - про него я говорила, что он очень увлекается волейболом, хотя непонятно, почему это плохо для инструктора горкома. Главное, конечно, в Окладнове было настоящее увлечение научной работой, умение проводить тонкие опыты. И наконец, он называет Ивету Разинскую. Эх, нужно было бы ее саму позвать, ведь она сидела под дверью! Но я почувствовала уверенность и в качестве главного аргумента против ее кандидатуры говорю: "А Вы знаете - она физик". Он, как мне показалось, от неожиданности удивился и, растягивая по слогам, переспросил: "фи-зик?" На этом моя встреча с Клюквиным закончилась, я вышла - Ивета бросилась ко мне с расспросами. Мы побежали скорее к Ольге Михайловне, а то она сильно волновалась, ведь она была очень уверена в том, что нам нужно сейчас овладевать как следует своими специальностями и набираться опыта в лабораториях, а не в горкоме. Я обо всем рассказала в лицах, особенно всем понравился пример с Иветой, мы часто его вспоминали. Потом Клюквин стал 1-м секретарем горкома партии. Когда мы с ним встречались на улице или он проезжал мимо на машине, он всегда со мной здоровался. Было очень жаль, когда он умер совсем еще в молодом возрасте, его в городе все любили.

А 1954 год ознаменовался в нашей компании тем, что 7-го сентября у Лихтеровых родилась дочь Марина, они еще жили в гостинице. Это первенец нашей дзержинской семьи.

РАБОТА

Для изучения полимеризации метилметакрилата Лев Иванович Ефимов придумал оригинальную конструкцию стеклянных дилатометров, сокращенно мы их звали "дилы". А делал их искусно молодой тогда стеклодув Толя Абакумов, не лишенный юмора и смекалки. Для изучения и проведения различных режимов полимеризации прямо в лабораторной комнате поставили полимеризационный шкаф, его мы шутя звали крокодиллом. Формы для получения оргстекла небольших размеров я научилась делать сама. Когда Лев Иванович был в учебном отпуске, оставшиеся члены группы проводили опыты по намеченной им программе. Однажды при просмотре готовых и термообработанных образцов я обнаружила, что на них проявляются все пометки, сделанные на самой форме во время полимеризации. Поехала ко Льву Ивановичу домой в Горький, чтоб сообщить ему об этом явлении. На него это произвело большое впечатление и он назвал меня первооткрывателем "фотоэффекта". Потом они с Окладновым на семинаре демонстрировали это

явление, рисуя заранее на формах свои профили, которые проявлялись на стеклах после прогрева. Всем было смешно.

Вспоминая это время работы, Лев Иванович через 30 лет писал в лабораторной газете: "Более 30 лет назад, когда все было молодо-зелено, когда не было дорогостоящего оборудования и приборы приходилось собирать своими руками из различного хлама; когда Вера Федорова определяла скорость вращения мешалки при помощи нитки и секундомера, а виртуоз-экспериментатор Саша Муравьев определял вязкость на глаз психофизическим методом и устраивал небольшие взрывы и молнии, - судьба подбросила проблему "оптической нетермостойкости органического стекла". Много крови попортила эта проблема, много горячих споров и дискуссий сотрясало стены лаборатории, когда с помощью "крокодила", то бишь лабораторного полимеризационного шкафа, который находился прямо в лабораторном помещении и гудел, как тысяча чертей, не вышли на тропу истины. Вот тогда-то группа сотрудников, занятых этой проблемой, и нарекла себя "искателями счастья" и к новому 1954 году выпустила первую под таким же именем газету. Эта неофициальная газета существовала 10 лет. И вот сейчас, когда часть искателей счастья 50-х годов уже достигла пенсионного возраста, а часть достигнет его в 12-й пятилетке, решено было выпустить 11-й номер "Искателей счастья", чтобы передать эстафету поисков счастья на трудном пути полимерной науки новому поколению на следующие 30 лет". Это написано, по-видимому, на пороге 1985-86 г. За период работы у Льва Ивановича не раз происходил то упадок, то подъем настроения, учитывая, что сам он был человеком, зависимым очень от своего внутреннего душевного состояния. Но без советов Льва Ивановича не обходился никто, у кого работа была связана с процессом полимеризации. Он был лириком в душе, жизни и работе. С 1969 г я стала руководителем группы и ушла из-под его крылышка, но он не забывал, что я остаюсь "искателем счастья". Накануне 1970 года он вручил мне поздравление, написанное в свойственном ему романтическом духе с оттенком грусти:

"Самому стойкому и верному искателю счастья - Леле Самариной.

Искатель, где же твой порыв?
Дошел ты только до бокала
А где же злая эпиграмма
И наш воинственный призыв?

Иль измельчали наши чувства
Развеял ветер нашу злость
И стали мы тихи, как паства
Когда над ней взметнулась трость?
Не верю я, что все угасло,
Навек угасло без следа.
И нам на смену глупо, нагло
Рутина лезет из угла.
Я верю, что опять воскреснет
"Искатель" славный из руин

И под его ударом треснет
Стена из черных паутин.
И снова мы, полны отваги,
Корабль снимем с якорей
И, отхлебнув вина из фляги,
Пойдем скитальцами морей.
И снова будет Эльдорадо
Манить из синей бирюзы -
Ведь путь в неведомое надо
Сплетать из сказочной мечты".

Вся работа Льва Ивановича была связана с кинетикой полимеризации, осталось в моих записях его высказывание: "Кинетика стала, как старая сварливая жена". Однако он без труда разбирался в полярографии, спектральных методах анализа; казалось, что для него в нашей технике не существует преград. При этом он шутил, разбирая только что полученный спектроскоп: "С помощью носа можно производить более тонкий анализ, чем спектральный". Лев Иванович много курил, что тоже сопровождалось афоризмом: "Поцелуй курящего менее инфекционен, чем некурящего". В эти годы - 1954-56 - в нашей группе была атмосфера приподнятости, желанья открытий, и, по-видимому, это благоприятствовало рождению многих афоризмов, шуток. Вот ст. лаборант Вера Федорова с серьезным видом произносит: "Запахло мечеными атомами - нужно включить вентиляцию". И она же, измеряя вязкость, задумчиво глядя на секундомер, философски говорит: "Опыт зарождается в себе".

Во главе нашей лаборатории №1 стоял Рубцов Михаил Алексеевич, человек с большим инженерным опытом работы в области органического стекла. Мы считали его хорошим руководителем, порядочным и добрым. Спустя несколько лет Рубцов стал главным инженером опытного завода нашего института, а во главе лаборатории стала Чекмодеева Ирина Васильевна. До этого она часто замещала Рубцова на посту завлаба. Как раз в один из таких случаев она направила меня в первую мою командировку в Саратов на авиационный завод для внедрения новой марки оргстекла. Ольга Михайловна, конечно, помчалась снова к нашему руководителю Рылову спасать меня, мотивируя это так: "Там опасно. Там летчики". Но он ее не послушал, считая, что нужно выводить молодых на самостоятельную дорогу. Учитывая, что у меня стаж работы менее года и нет совсем опыта, со мной для начала поехала опытнейший работник Нина Михайловна Осокина. Она пробыла в Саратове только три дня и уехала, а я была больше месяца - август и часть сентября. В Саратов мы плыли на пароходе "Калинин", на котором, как написано было на мемориальной доске, плавал Валерий Чкалов. Жили в двухместной каюте 2-го класса, а в ресторан ходили в 1-й класс - так делала Нина Михайловна, а я за нею ходила хвостиком. Нас там развлекал разговорами и без конца фотографировал якобы корреспондент "Правды", как он нам представился. И хотя мы ему сказали при знакомстве наши имена, при встрече по утрам он восклицал: "А! Шурочка и Катенька, доброе утро!" Мы посмеивались и не поправляли его, нам было все равно. А он был очень шепутной, все ставил нас у борта на фоне

какого-нибудь красивого пейзажа, чтоб сфотографировать, но, как и следовало ожидать, снимков от него мы не получили. Плавание на пароходе вызывает чувство свободы, даже невесомости какой-то. Вот и мы с Ниной Михайловной чувствовали себя независимыми, оторванными от земли, всему, что видели, радовались. Нам все нравилось на этом пароходе. Вечерами сидели на корме, рассматривали волны и зыбь на воде и проводили параллель с дефектами на оргстекле с такими же названиями. Ольга Михайловна просвещала меня в житейском смысле, давала всякие советы.

На заводе в Саратове моей задачей было получить положительное заключение на опытную марку стекла, для чего сначала нужно было из стекла сделать детали и испытать их. Пока была Нина Михайловна, нас обнадежили, что скоро все сделают. Перед отъездом она мне дала несколько наставлений по работе. После ее отъезда никто на заводе не спешил проводить нужную мне работу. Я нудно и настойчиво каждый день ходила на прием к директору или главному инженеру, они продолжали обещать. Я была уже в отчаянии, рабочие цеха переработки оргстекла меня жалели. Красивый кудрявый слесарь даже пригласил меня пойти в кино на легендарный индийский фильм "Бродяга", куда он с большим трудом достал билеты. В Саратове было жарко, а в переполненном зале очень душно. При такой же духоте мы посмотрели и фильм "Возраст любви" с Лолитой Торрес. Я жила в гостинице им. Кирова, там было тихо, малоллюдно. Рядом располагалось маленькое кафе, я там пила кофе с пирожными. На углу улицы стояли весы, от нечего делать я взвешивалась раз в неделю, мне выдавали квитанцию. Вес держался постоянным - 50,5 кг, т.е. после окончания института за год я уже поправилась на 2,5 кг. В Саратове я впервые увидела большой крытый рынок, потом они появились во всех городах, в т.ч. и в Луганске.

Не знаю, удалось бы мне в скором времени довести самой работу до конца, если бы на мое счастье на завод не приехал зав. лабораторией ВИАМа (институт авиационных материалов) Матвей Матвеевич Гудимов - можно сказать, что в то время это был наш главный заказчик и его требования были для нас закон. Он и ускорил проведение испытаний моей партии, сказав только два слова директору. Мне пришлось только поволноваться за качество стекол после прогрева и формования, а также при составлении протокола. Я боялась, что допущу какую-нибудь ошибку, ведь составление протокола часто связано с дипломатией. Но протокол в Дзержинске одобрили, и наш директор Навроцкий Н.С. даже стал называть меня специалистом по Саратову. В 1955 г. мне пришлось туда съездить еще два раза.

После такой длительной командировки я, наконец, получила свой первый отпуск, и 12 октября 1954 г. прямо с Лизиного дня рождения Женя меня проводил на ночной московский поезд.

Отпуск прошел тихо и незаметно, в Ворошиловграде шли дожди, я вспоминала Женю, и пока мысли мои были неопределенными. Несколько раз встретила с другом из краснодонского детства Ромой Шапиро. Его мама тетя Зина обязательно приходила меня встречать или просто увидеться. Ее интересные суждения, остроумные высказывания, ее звонкий смех буду вспоминать всегда.

Когда я уезжала в Дзержинск, родители мне дали более новую радиолу Урал-53. В Москве меня встречал из Ворошиловграда, а потом вечером провожал в Дзержинск, папин брат Володя, он тогда учился в Москве. Подруга Ивета как раз тоже была в Москве и приходила к поезду. Я привезла ему бидончик с солеными арбузами, мы их все любили. Дала попробовать Ивете - она не оценила. Я ее познакомила с Володей, он ей очень понравился - конечно, высокий, красивый, остроумный.

СВАДЬБА

В Дзержинске события стали развиваться быстро. Женя усилил ухаживания, и в декабре 54-го года мы решили подавать заявление в загс. Тогда это было просто: 29 -го декабря Женя пошел сам, без меня, подал заявление, и через три дня можно приходиться расписываться. Но тут помешал новый год, и мы расписывались только 3-го января 1955 года. Загс располагался в длинном старом доме на пр. Дзержинского, в помещении с плохим полом, темным коридором и маленьким кабинетом, где мы расписались без свидетелей - никто о них и не спрашивал. Вдвоем пришли, вдвоем и ушли. После расписывания вышли в комнату ожидания. Там Женя подошел к окну, взял с подоконника сверток в газете и произнес: "Это тебе кусок поэзии". И преподнес букет примул, которые он приобрел в оранжерее. Других цветов зимой тогда не было.

Моя подруга по комнате Лиза познакомилась с молодым человеком из Горького, с сестрой которого она до меня жила в этой комнате. Дружба перешла в роман и они поженились. Так я осталась в этой комнате одна.

Когда Женя сказал своей маме Пелагее Ивановне о том, что надумал жениться, она задала естественный вопрос - кто я и что я, и что у меня есть из приданого. Женя сказал: "У нее есть 200 пластинок".- "Как! И больше ничего?" После этого Женя рассказал, что у меня есть из имущества.

Свадьбу наметили на 15 января, из Ворошиловграда приехала моя мама. В квартире, где находилась моя комната, газа еще не было, готовили на электроплитках и керогазе, но в кухне находилась большая плита - вот мы ее и затопили, чтоб приготовить угощение для свадебного стола. От Пелагеи Ивановны натаскали дров, она приготовила вкусный холодец, но решила, что пересолила, и переделывала его заново. В 14-метровую комнату мы сумели поместить 28 человек. До сих пор я помню всех, кто был. Ирма была уже кормящей мамой, а Руфа скоро должна была стать мамой. Витя Лихтеров объявил, что он - самозванец и сам себя назначил тамадой. После этого Женина тетка Матрена Ивановна говорила примерно так: "Вчера я встретила на улице самозванца". Коля Окладнов принес в подарок электрический чайник модного вида, сказав при этом: "Вот вам атомный чайник". Мама у меня тихонько спросила: "Он правда атомный?". Один из Жениных родственников играл на гармошке, а "Барыню" лучше всех плясала Валя Фурина. Рядом с Женей за столом сидел его 17-летний брат Толя, а рядом со мной - Люда Воронина. Толя заведовал радиолой, но больше гостям нравилась гармошка. Когда кричали "горько", я закрывалась букетом цветов, он стоял передо мной на столе. Веселила всех своими остроумными соседка Жениной мамы по квартире - Софья

Васильевна. Она внешне и смешными манерами напоминала артистку Мурзаеву в роли маникюрши из фильма "Сердца четырех".

На свадьбу истратили деньги, которые Женя копил на мотоцикл - так он расстался со своей юношеской мечтой. Моя мама всю жизнь жалела, что я была не в белом платье, а мне было как-то все равно, на это мы не обращали внимания. Мама проездом к нам в Москве, в Столешниковом переулке, купила большой красивый торт, он вызвал восхищение всех гостей. А еще с утра в день свадьбы пришла помочь Люда Воронина, она жила в соседнем подъезде. Когда она вошла в комнату и увидела, сколько стояло бутылок с водкой и вином, то так от удивления запищала, что мама прибежала из кухни посмотреть, в чем дело. И потом мама часто вспоминала этот момент и Люду тоже. Из вина в те годы популярной была "Лидия".

Из моей дзержинской семьи братьев и сестер на свадьбе были все, кроме Ольги Михайловны - она в это время была в Москве, но внесла существенный вклад в подарок. Ивета из Москвы тащила подарок от всех - столовый сервиз, и от моей институтской подруги Оксаны Николаевой - чайный. Мои московские подруги, две Оксаны, не смогли приехать на свадьбу, т.к. они уже были замужем и были заняты своими семейными заботами. От Оксаны Изаковой получила телеграмму: "Поздравляю с переходом в новое качество".

После женитьбы мы с Женей стали обзаводиться мебелью - казенную сдали, купили кровать, модную тогда - широкую и низкую - и квадратный стол с отвинчивающимися фигурными ножками. В то время еще в моде были круглые столы и мы долго обсуждали, какой же нам выбрать. Заказали знакомому столяру высокий узкий стеллаж для книг, а через пару лет приобрели оттаманку с тремя подушками. В то время у нас была страсть к приобретению книг, и стеллаж нам был очень нужен. Уже появилось несколько томов БСЭ, нам их подарили мои родители, а остальные мы сами выкупали. Специально для энциклопедии Женя в стеллаже предусмотрел несколько высоких полок. Чтоб подписаться на книги какого-либо писателя, мы ходили по вечерам на переключку к магазину "Книги", который находился в одном здании с гостиницей. Еще летом 54-го, когда жили в гостинице, мы с Иветой всю ночь выглядывали из окна гостиницы, чтоб не прокараулить момент, когда начнет собираться народ на подписку на Чехова. Как только увидели первых людей, побежали занимать очередь, в том числе и на Ольгу Михайловну. В 5 часов утра мы уже стояли у магазина и благополучно подписались на собрание сочинений Чехова в 12 томах. Последний том пришел в 1957 г. До женитьбы мы с Женей встречались и на переключке очереди по подписке на Романа Роллана, а когда поженились, от одного экземпляра отказались. Обязательно приобретали техническую литературу - книги по полимеризации, по органической химии. Выписывали журналы "Иностранная литература", "Техника молодежи", позднее перешли на "Новый мир", "Науку и жизнь", а в 70-х Женя полюбил журнал "Знание - сила". Для меня самым любимым стал журнал "Новый мир", на него мы подписывались непрерывно с 1962 до 1995 г. В 1996 г. уже после смерти Жени, готовясь уезжать из Дзержинска, я отдала всю подписку "Нового мира" в соседнюю с моим домом библиотеку, и была рада тому, что они согласились взять, т.к. просто бросить журналы было бы очень жалко.

РОДОСЛОВНАЯ

В 1976 г. в возрасте 45 лет я задумалась о своей родословной. Большие надежды возлагала на бабушку Аню, мать отца, у которой была очень хорошая память. Думала, что летом приеду в отпуск в Луганск (а Ворошиловград при Хрущеве снова стал Луганском) и подробно ее расспрошу о прошлом. Но как раз в этом году, когда ей шел уже 87-й год, у нее случился инсульт и она частично потеряла память - даже не могла вспомнить, как зовут ее мать. А ведь только в прошлом году было все в порядке!

Дедушка Вася, отец моей мамы, тоже интересовался своей родословной и вел записи, но бумаги эти потерялись, когда после его смерти бабушка Мотя продала дом и уехала к своей дочери в Киев. Я просто стала расспрашивать своих родителей о прошлом и записывать. В Дзержинске я выпытывала свою свекровь Пелагею Ивановну и ее сестру Матрену Ивановну. В результате собрались данные, да и то неполные, только до прародителей по отношению ко мне и моему мужу. А о предках с двумя "пра" есть сведения только о трех представителях. Зато мои внуки, если заглянут в эту книгу, будут знать о своих предках с тремя и даже четырьмя "пра". Разместила я всех по квадратикам, получается слишком запутанно. Поэтому пришлось сделать три схемы:

1 - родословная Самариных - Третьякевичей от прадедушек - прабабушек,

2 - родословная Самариных - Радаевых от дедушек и бабушек,

3 - родословная Третьякевичей - Туреевых от дедушек - бабушек.

(степень родства указывается по отношению к Елене и Евгению Самариным).

В своей тетради, где я расположила схемы родословной и всех пронумеровала, я дала описание каждого члена родословной, все, что узнала о нем. Здесь же придется многое опустить из-за лишних нагромождений.

Родословная Самариных - Третьякевичей.

(левая половина)

Аграфена Анна Голубева - - - 1931	↑ ↑	Анна ум. 1924	Дарья 1896-1981	Наталья Храмова, ум. 1940	Николай Федор 1890-1970 ум.
---	--------	------------------	--------------------	------------------------------	--------------------------------

↑	↑	
Самарин - Самарина ? - ? Шувалова Михаил ум. 1925	Радаев - Радаева Алексей Кузьмич	Шувалов - Иван Мария Яковлевич

Трофимовна

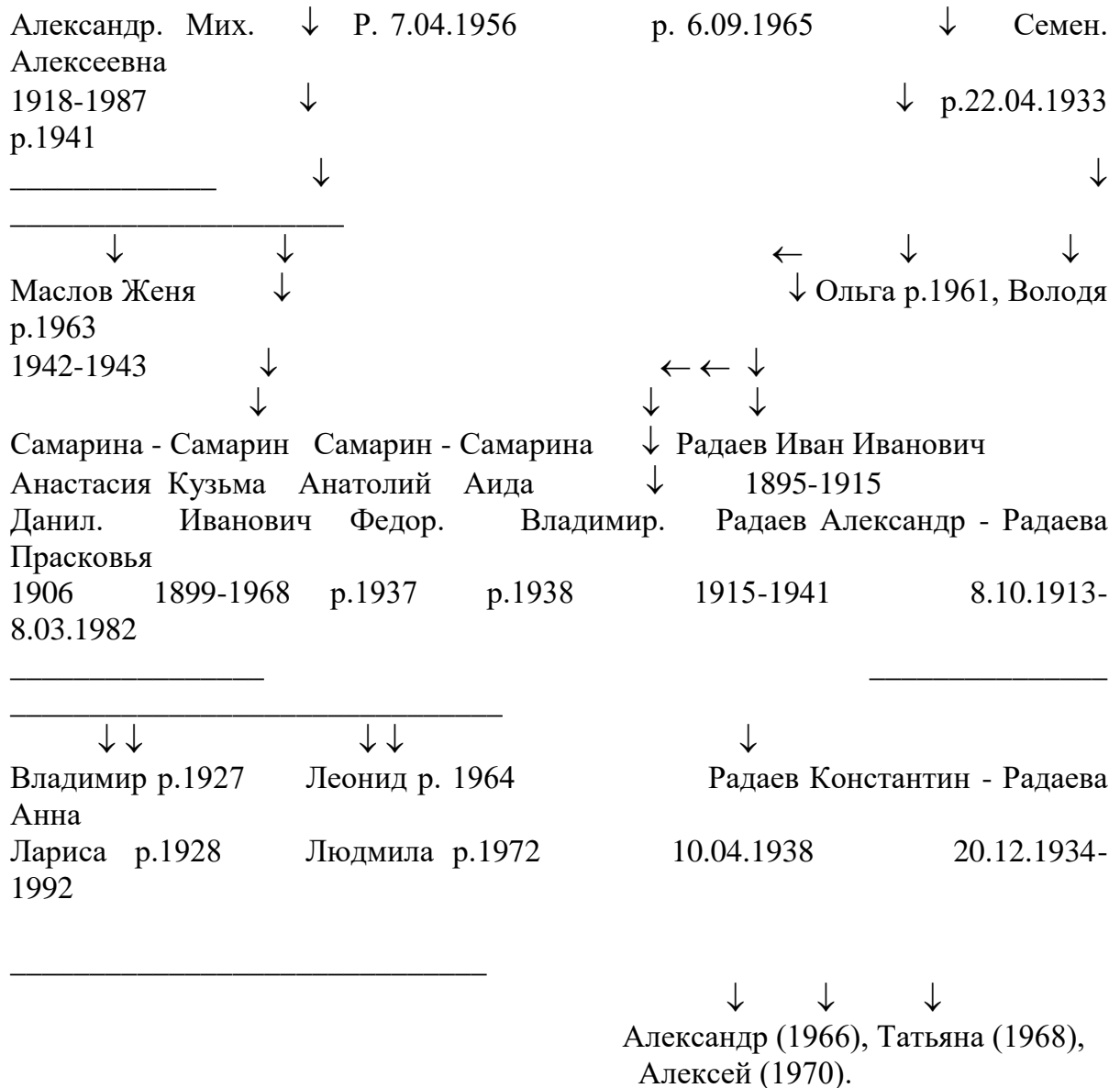
Самарина Мария - Кнорин Эдгар Наталья Евгеньевна (Ткаченко) Р. 6.09.1965	Альфредович р. 2.05 1936	Третьякевич Михаил - Третьякевич Викторович р. 4.02.1969	Петровна р. 8.05.1972
--	-----------------------------	--	--------------------------

↓	↓
Самарина Елена Викторовна Р. 21.09 1987 (понедельник) Родословная Самариных - Радаевых от дедушек и бабушек по отношению к Самарину Евгению Федоровичу.	Третьякевич Екатерина Михайловна р. 10.11.1997 (понедельник)

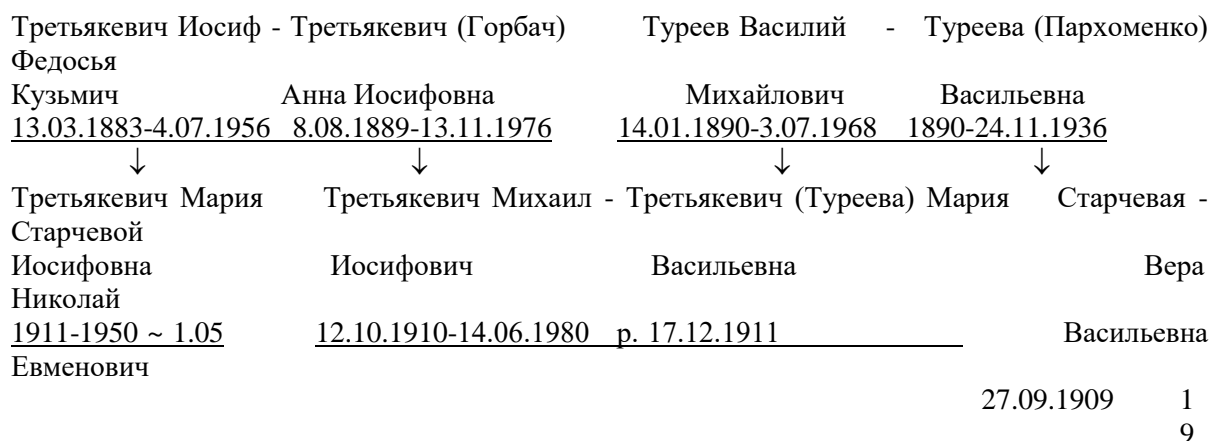
Самарин Иван - Самарина Агриппина Мария Михайлович 1863-1929 14.01.1953	- ум. до 1924	Радаев Иван - Радаева (Шувалова) Алексеевич Ивановна 12.04.1877-30.12.1940 19.02.1877-
---	------------------	--

↓	↓	↓	↓	↓	↓
Баишев - Байшева Михаил (Самарина) Семен Вас. Анастас. Ив. Иванович 1896-1961	↓	Самарин Федор - Самарина (Радаева) Иванович 1902-1942	↓	Самарина (Радаева) Пелагея Ивановна 1905-1990	↓
1984	↓	1902-1942	↓	1905-1990	↓
	←	↓		↓	↓
					Матвеева - (Радаева) Матрена Ивановна 1903- 1992

↓	↓	↓	↓	↓	↓
Маслов - Маслова Владимир Алекс-р (Самарина) Яковл. Агафья - 1898-1984	↓	Самарин Евгений - Самарина Елена Федорович Михайловна р.21.02. 1931	↓	Самарина Елена Семенович 20.01.1923-1942	↓
1898-1984	↓	27.11.1928- 12.10.1995	↓	20.01.1923-1942	↓
↓	↓	↓	↓	↓	↓
Маслов - Маслова Петр Александра Галина	↓	Самарин Андрей Евгеньевич	↓	Самарина Мария Евгеньевна	↓
	↓		↓		↓
					Матвеев - Юрий

Родословная Третьякевичей - Туреевых от дедушек и бабушек по отношению к Самариной Елене Михайловне.

Ильинский Вадим Иванович Григорьев 1933-1980 ? Леонид Кузьмич <u>р.10.11.1927</u> (Бурдакова)	Третьякевич-Самарин (Самарина) Евгений Елена Михайловна <u>Р.21.02.1931</u> ↓ Самарин Андрей Евгеньевич Р.7.04.1956 Третьякевич Владимир Иосифович 1-й 12.11.1988 р. и ум. 1909 Чирков Третьякевич Валерий Станислав Иванович Иосифович <u>р.1935</u> 1914-1915 Третьякевич Виктор Валерьевна Владимир-ч 1944-1950	Третьякевич-Третьякевич Евгений Виктор (Коняшова) Зоя Михайлович Зоя Николаевна Зинаида <u>27.11.1928-</u> <u>12.10.1995</u> ↓ Самарина Мария Евгеньевна р.6.09.1965 Третьякевич Владимир Иосифович 2-й 1912-1915 Третьякевич - Третьякевич Владимир (Гусарева) Иосифович 3-й Лидия Владимировна <u>р. 1923</u> ↓ Третьякевич - Третьякевич Сергей Татьяна Владимирович р. 1952 ↓ Третьякевич Владимир Сергеевич р. 1977 Третьякевич (Рыбина) Елена Владимировна р. 8.08.1958 ↓ Рыбина Марина Викторовна р. 1979	Третьякевич-Третьякевич Виктор (Коняшова) Зоя Михайлович Зоя Николаевна Зинаида <u>28.08.1944-</u> <u>21.04.1997</u> ↓ Третьякевич Михаил Викторович р.4.02.1969 Бадаева (Туреева) Наталья - Бадаев Феликс Васильевна Никитович <u>2.08.1914-16.07.1998</u> <u>25.12.1907-</u> ↓ Бадаев - Леонтьева Бадаева(Чиркова) - Виктор Анна Светлана Феликсович Николаевна Феликсовна <u>р.1.09.1940</u> ↓ Бадаев Василий Викторович р. 1975 Чиркова Наталья Чиркова Елена Валерьевна р. 1961 р. 1965 Бадаев Владимир Феликсович - Бадаева Наталья р. 30.10.1948 ↓ Бадаев Алексей Владимирович р. 1978 Елена р.1990
--	---	--	---

Примечание: супруги указаны через дефис и подчеркнуты общей чертой. Стрелки идут от родителей к детям.

Род Туреевых - Пархоменко, по линии моей мамы Марии Васильевны Третьякевич (Туреевой) (род. в 1911 г.)

Мой дедушка Василий Михайлович Туреев (1890 -1968) рассказывал, что его предки по линии отца в 18 веке попали в Россию из Сербии, как пленные. Я же думаю, что это не связано с пленом. Известно, что при Елизавете сербам были выделены угодья на Украине, в том числе и по Северному (Северскому) Донцу. Родители дедушки - крестьяне, казаки - Михаил Павлович Туреев (1859-1919) и Любовь Васильевна Попова (1862-1935). Про отца известно, что он был кузнецом. После несчастного случая на кузне, когда ему выбило глаз, он оставил кузницу. Он хорошо пел, без него не обходилась ни одна свадьба на хуторе, его всегда приглашали как "дружку". Считали, что он приносит удачу. В гражданскую войну перед приходом красных мужчины решили спасти своих незамужних дочек, в том числе и он, и из хутора бежали с ними за Дон. Там, в Батайске, Михаил Туреев умер от грыжи, а его дочери, которых он спасал, Федосья (1901-1970) и Агафья (1899-1919) возвращались домой на волах, т.к. у них осталась только одна лошадь, другую в пути отобрали. В 5 км от дома Агафья умерла от тифа, Федосья не могла довести ее до дома - волы обессилили и легли на землю. Пришлось ей оставить мертвую Агафью в лесу с волами, а сама она верхом на лошади добралась до дома, где и сообщила о случившемся.

У Туреевых было шестеро детей, дедушка Вася - старший. Смолоду он работал на заводе в Луганске, потом жил в хуторе Камышном Луганской области, где в 1909 г. женился на казачке Федосье Васильевне Пархоменко (1890-1936). У Туреевых в Камышном была большая усадьба, которая сейчас разделена на три хозяина; было два дома - один деревянный, другой каменный. Вдоль улицы шли каменные длинные сараи под одной крышей, почти полкилометра. Первый сарай - для инвентаря (плуги, косилки), второй - амбар с зерном для скота, третий - конюшня, четвертый - для овец, пятый - курятник, шестой - голубятник. Голуби были в почете, их считали святыми птицами. Во дворе стоял большой каменный сарай для коров и волов, рядом с ним находился амбар с зерном для питания семьи. Был и половень под крышей, большой каменный сарай, где держали полову для скота. В каменном доме находилась русская печь, там пекли хлеб, в большой комнате обедали. Когда вместе жили три брата, то собиралась за столом семья из 16 человек. Сад возле дома - гектара два. Это большой вишневый и большой терновый сады, а также яблони, груши, абрикосы. Много фруктов сушили на зиму. Дедушка Вася увлекался разведением новых сортов фруктов и овощей. Он выписывал сельскохозяйственные журналы, переписывался с Мичуриным. Мама помнит обложку журнала, на которой корова с угрожающим видом говорит: " Забодаю ту уроду, что не сеет корнеплоду". Мама говорит, что дедушка выращивал очень крупную кормовую свеклу.

В 1933-1937 гг. дедушка с бабушкой жили в Краснодаре, где дедушка работал шорником, ремонтировал сбруи. Он участник 1-й мировой и гражданской войн. На войне ему перебили локоть, задели пашкой пальцы. Один палец сросся неправильно и был кривой, дедушка меня им пугал. После

ранения его перевели работать в санитарный поезд, там он заразился и заболел тифом. Кто-то посоветовал, что нужно лечиться лимонами. Дедушка взял свою подушку и с высокой температурой пошел на базар менять подушку на лимоны. Тут он потерял сознание и чуть не попал под поезд, его увидел и спас один знакомый.

Дедушка Вася - истинный крестьянин и казак. Считал, что казаки - это нация, ставил ее выше других. Моего сына, своего правнука, насмешливо называл "нижегородский кацап". Непрерывно трудился. Сам ремонтировал обувь, доил корову, занимался огородом и садом. Быстро умел все делать, имел нервный и вспыльчивый характер. Разводил лечебные травы, лечился сам и лечил других. Особенно доставалось в этом смысле его жене бабушке Моте. Был уверен, что у него больные легкие, которые он, по его словам, застудил в молодости, когда уснул под яблоней прямо на земле. Поэтому он одевался всегда тепло, спал в фетровых шапках, зимой часто ходил на улице с приклеенными на груди горчичниками. Я помню, что всегда боялись туберкулеза, ведь от него в семье дедушки и бабушки умерло несколько человек. Дедушка очень ценил мед, обязательно запасал его на зиму. Когда жили в хуторе, имели своих пчел. Он много ходил пешком, не пил, не курил, никогда не сидел без дела. Любил читать исторические книги, любил Шолохова, даже писал ему письмо и получил ответ. Когда жили в пригороде Луганска Малой Вергунке, он работал почтальоном, ходил по улицам с тяжелой сумкой на плече, заходил в каждый дом, любил поговорить с хозяевами - дома в Вергунке были сплошь частные. Позже стал разносить пенсии, ему даже выдали оружие и пропуск-разрешение садиться в трамвай с передней площадки. Хотя он жил уже много лет в городе, все равно речь у него не изменилась и изобиловала хуторскими словечками: "пойду на баз", "сопсовалось здоровье", "саша" (шоссе). Собакам, которые сторожили двор, отрубал хвосты, чтоб были злее. Умер в возрасте 78 лет, похоронен в Луганске.

Бабушка Феня имела терпеливый, молчаливый характер. У нее был хороший голос, пела в церкви хутора Камышного. Умерла 45 лет в Харькове, там похоронена, могила ее затерялась. Характер бабушки передался моей маме.

Родные братья дедушки Васи имели одно и то же имя Иван. Старший - Иван большой (1892-1914), младший - Иван малой (1894-1924). Иван большой - батареец, борец-силач. В армии, где он служил, офицеры на спор между собой заставляли его бороться с другими солдатами. Однажды во время борьбы при броске он убил насмерть своего партнера. В германскую войну в 1914 г. он пропал без вести. Его жена Олимпиада уже в период гражданской войны влюбилась в белого офицера и прятала его от красных. Но его обнаружили и расстреляли... Иван малой был очень высокого роста, выше своих тоже высоких братьев, имел хороший голос. С гражданской войны вернулся в хутор верхом на коне. Но здоровье было подорвано, руки дрожали, его вскоре парализовало, он лежал несколько лет. Мама рассказывает, как однажды они всей большой семьей сидели и обедали за столом в большой комнате, а больной Иван лежал в соседней. И вдруг они слышали, как он

запел своим красивым голосом "Последний нонешний денечек". Все вскочили, подошли к нему и плакали. На следующий день он умер. Даже сейчас мама не может говорить об этом без слез. Сестра братьев Наталья умерла от туберкулеза в 16 лет, а Федосья вышла замуж за казака Павла Хромушина в хутор Манацкий. Во время оккупации в 1942 г. она помогала группе партизан, которые скрывались в соседнем лесу, пекла для них хлеб и скрывала у себя моего отца - комиссара партизанского отряда.

Некоторые сведения сохранились о мачехе Михаила Туреева, которая мне приходится, хотя и не родной, прапрабабушкой. Известно только, что ее звали Климовна, что она вышла замуж на четверых детей, что умерла в 1917 г. Самое главное, чем она была знаменита, - что 13 раз ходила пешком с другими паломниками из наших краев в Иерусалим к гробу господню.

У бабушки Фени, маминой матери, было два брата и четыре сестры. Из них две сестры - Ефросинья и Матрена - умерли в преклонном возрасте, им было уже под 90. Остальные умирали рано по разным причинам: Татьяну убило грозой, Анна умерла от туберкулеза легких (я уже упоминала о ее красоте), брат Георгий умер от туберкулеза костей, Василий погиб в гражданской войне. Вспоминаю, как отец бабушки Фени, Василий Петрович Пархоменко (1861-1942) навещался к нам в Луганск еще до войны. При этом выглядел он колоритно - с большим мешком за плечами и с большой бородой. Из мешка извлекал для меня пряник. С папой любил рассуждать о политике. Говорил: "Михайло, а ведь Блюсер - немец!" (Блюхер). Герой гражданской войны Александр Пархоменко приходился моей бабушке троюродным родственником, но они мало общались. Известен один случай, когда он помог бабушкиной семье. Это произошло так: его отряд расположился в соседнем селе. Бабушкин дядя перед этим зарезал кабана и повез продавать на базар, а по пути он остановился как у родственника у Александра Пархоменко. Пока они сидели за столом, кабана украли. Утром дядя поднял скандал, возмутился и тогда Пархоменко приказал своим людям собрать деньги и отдать их дяде за украденного кабана. Могила Александра Пархоменко находится в Луганске в скверике на улице Ленина.

У моих дедушки Васи и бабушки Фени было три дочери. Старшая дочь Вера, моя крестная, умерла от туберкулеза (1909-1932). Ее дочь Зина после этого часть времени росла вместе со мной в нашей семье, а часть - в семье своего отца и бабушки - его матери. У него болела нога, он ходил с палочкой, но руки были очень умелые. Он мне и Зине подарил круглые карты, которые можно вращать и при этом будут появляться сведения о любом государстве. Благодаря им я в семилетнем возрасте знала, что есть государство с понравившимся мне названием Лихтенштейн. Зину я считаю родной сестрой. Моя мама - ее крестная. Боязнь туберкулеза приводила к тому, что нас в детстве поили противным рыбьим жиром, заставляли пить какао с молоком и плавающим в нем кусочком масла. Средняя дочь дедушки и бабушки Туреевых - Мария - моя мама. Когда они жили в хуторе Камышном, за нее сваталось много обеспеченных женихов - пятеро из Камышного и девять из ближних сел. Правда, многие из них потом пострадали - их раскулачили. А маме понравился мой папа, который приехал к ним в хутор работать

агитпропом и остановился в семье маминой двоюродной сестры Анастасии. Брат тети Насти, дядя Алеша, был моим крестным. (Мама с папой поженились в 1930 г.) И, наконец, младшая дочь Наталья (1914-1998), о которой я уже упоминала в связи с Матусовским.

Тетя Настя любит вспоминать случаи из нашего с Зиной детства, когда мне было полгода, а Зине - два, с нами пошли в терновый сад за терном, посадили недалеко на траве. Как только мама с тетей Настей и тетей Верой (Зининой мамой) начинали рвать терн, Зина, чтоб привлечь к нам внимание, опрокидывала меня незаметно и бежала к моей маме со словами: "Кося Муся, Люлюн упал", что означало - "Крестная Маруся, Леля упала". Меня снова усаживали, шли работать, а Зина повторяла все сначала - опять меня опрокидывала, я при этом начинала реветь, и опять она шла к маме с теми же словами. Это повторялось несколько раз.

Мама и тетя Ната вспоминали свое тяжелое детство. Дедушка сам трудился с утра до вечера и их заставлял с раннего утра работать в поле, на огороде, на бахче и т.д. Однажды дедушка пообещал купить граммофон, но при условии, что дети на вспаханном поле соберут картошку, он ее продаст и на вырученные деньги купит. Дети добросовестно ходили по полю, набрали картошки - и так появился граммофон. Это было редкостью в селе и, когда ставили пластинки, народ собирался слушать под окна. Звучали русские песни: "Златые горы", "Выйду я на улицу" и другие. Мама рассказывает, что когда была возможность сшить себе новое платье, то удавалось это делать только по ночам. Мама с сестрой были очень разные, мама - брюнетка, тетя Ната - блондинка; у мамы более выдержанный характер, а сестра - вспыльчивая и нервная. Тетя Ната, единственная из семьи всех Туреевых, получила высшее образование. Моя мама училась на курсах кройки и шитья, дедушка говорил: "Женщина должна обшивать семью". Приходилось шить для мужчин и рубашки, и брюки, а мне с сестрой Зиной мама придумывала разные фасоны платьев. Еще в Краснодаре мамины подруги разглядывали наши с Зиной платья и удивлялись, что нет на юбках-клеш швов. Даже кто-то из них сочинил такой примитивный стишок: "Эй, клеш, куда идешь, куда шкандыбаешь? - Я до Лели да до Зины, разве ж ты не знаешь!" Мои школьные подруги, а потом и институтские, отмечали, что у меня были красивые платья.

Род Третьякевичей - Горбачей, по линии моего отца Третьякевича Михаила Иосифовича (1910-1980).

Дедушка Иосиф Кузьмич Третьякевич (1883-1956) - отец моего папы, сохранил дореволюционную паспортную книжку, выданную ему в 1915 г. московской столичной полицией. Из нее следует, что правильное его называть Осип Казимирович. Дедушка Ося, как я его называла, оказался молодцом в том смысле, что оставил своим потомкам подробные записи о своих родителях и своей жизни, которые он назвал "Памяткой".

Большая часть ее была им написана до войны. Я приведу ее здесь с небольшими сокращениями. Постараюсь мало делать исправлений, чтоб сохранить его стиль. Тут описана не только история семьи дедушки, но и положение страны в то время.

Памятка Третьякевича Иосифа Кузьмича (дедушка написал "Казьмича").

Я родился 1883 г. марта 13 дня в семье крестьянина-бедняка Казимира Андреевича Виленской губернии, Ошмянского уезда, Ивейской волости, село Дуды. Мать моя, Екатерина, тоже из бедной семьи крестьянина Неяведовича, деревня Дробыши той же волости и уезда. Вероисповедание- католическое, национальность - белорусы. У моих родителей осталось нас детей в живых пять человек: сестра Сусанна, брат Франц, брат Андрей, сестра Михайлина и я, самый младший. Отец и мать жили вместе с дядей в одной хате. У дяди Антона было шестеро детей - три сына и три дочери, а всего нас было 16 душ вместе с дедом нашим Андреем. Дед был хромым, ему сломали ногу казаки, когда он был на собрании в Ивве. Тогда крестьяне отказывались идти на барщину, в 1861 г., и для их подавления были пущены казаки. Мое детство было тяжелым. Хлеба не хватало, хлеб пекли с мякиной, больше всего ели картошку, которой тоже не было вволю, варили только в мундирах. В 1888 г. брата Франца взяли на военную службу, деда Андрея похоронили. Дядя Антон предложил моему отцу разделиться, больше вместе жить не желал, потому что у него были работники, а у нас самого главного работника взяли на службу. Весной 1889 г. имущество, постройки и скот отец с дядей разделили. Нам досталась старая хата и лошадь. Но по уговору на нашей лошади дядя летом тоже работал. Хлеба ничего не было, сразу начали занимать по родственникам. Денег не было, чтоб купить гарнец соли, который стоил 7 коп., и керосина фунт - 4 коп. Отец решил договориться с евреем Ицкой Полячек, который торговал в нашем селе в лавке и скупал в селе фасоль, везти фасоль в город Вильно -114км-25 пудов за 2 рубля (при этом свой корм и харчи). Но торговец - алчность наживы! - вместо 25 пудов погрузил около 40. Отец и брат не досмотрели, лошадь затянулась и в городе заболела. С трудом дошла домой, после чего на третий день пала. Ветфельдшер и бабка, которая шептала, не помогли. Остались без лошади, на которую была вся надежда. Отец задумался - весна недалеко, пахать не на чем, продать нечего, но с семьей без лошади жить нельзя - задушит голод. Решил идти к родным просить в долг денег. Один дядя дал до весны 10 руб., другой 5 руб., и за 15 рублей купили плохонькую лошаденку, на которой работали с трудом и слезами три года и даже больше.

Мне исполнилось уже 7 лет. Я стал гонять скот и стеречь в поле, помогал семье. Это работа трудная - всегда мокрый, холодный, в лаптях и самодельном старом пиджаке. На весь день мать даст в торбочку хлеба с мякиной или картошки в мундирах - вот и все питание в поле. Мать, отец и сестры были довольны мной, так как я освобождал сестер от этой работы, и они могли обе идти работать к помещику. У помещика они работали за 15 коп. в день, причем на своих харчах.

Я очень хотел учиться грамоте. Школа находилась в Ивве, от моей деревни 7 верст. Одевать и обувать нечего. Отец в первые годы в школу меня не отпустил, а брат Андрей очень хотел, чтобы я учился. Решили учить меня дома польской и русской азбуке, помогала мне мать учить буквы и читать по

слогам. Я за зиму начал читать на польском и русском языках. На вторую зиму отец договорился с соседом, чтоб я с его братом учился у них за 1 рубль 50 коп. Проучился две зимы, читал и писал и кое-какие решал задачи. Отпустили меня в школу, но долго учиться мне не пришлось, так как дома случился 1 ноября пожар и я должен был помогать дома работать. На том мое образование и кончилось. К весне построили новую хату и сарай. Мне было уже 16 лет.

Я задумал ехать в Петербург. В 1892 г. мой брат Франц отслужил срок военной службы, вернулся домой ст. унтер-офицером с нашивками и галунами. Одет был чисто, его в деревне уважали. На службе он был полковым каптенармусом. Пожил дома месяца два, но не женился, уехал в Кронштадт искать работу - там работали наши земляки. В порт он не мог устроиться, так как не имел никакой специальности, и пришлось работать сторожем - охранять мост близ ворот военного порта, где проработал 6 месяцев. Через одного офицера ему удалось устроиться в порт слесарем. Так он проработал в порту 40 лет, обзавелся семьей - жена Виктория, дочь Мария, сын Володя и сын Виктор (немой). Жил он вместе с родителями жены, тесть - поляк Вихровский, работал старшим слесарем в порту, он же помог брату изучить специальность слесаря, после чего брат стал зарабатывать неплохо. Высылал домой деньги и посылки. В нашей семье стало улучшаться, брат Андрей стал взрослый, сам работал по хозяйству. Сестер выдали замуж и осталось нас четверо - отец, мать, брат Андрей и я. А у меня только и были мысли уехать в Питер. Но как подойти к родным, чтоб дали на дорогу 7 руб. и помогли получить в волости паспорт, так как без родителей старшина не выдавал паспорта такому возрасту, как мой. В один прекрасный вечер я вижу, что моя семья в хорошем настроении, особенно, отец. Я и решил просить его, чтоб отпустили меня в Питер и дали на дорогу денег. Но отец категорически отказал, мать с братом были согласны, но против отца ничего не говорили. А я заявил, что все равно уеду и стал думать, как достать денег и без отца получить паспорт. Денег 10 рублей дала двоюродная сестра Агафья, у нее муж был скрипач, играл на свадьбах, деньги у нее были. Теперь главное - достать паспорт. Я договорился за 25 коп. с одной соседкой сходить со мной в волость вместо матери. Но когда старшина ее увидел, то сразу понял, что его обманули. Он велел ее посадить в карцер, а мне раза два дал по шее и отправил домой, пообещав поговорить с отцом, чтоб тот хорошо меня выпорол. Оказывается, старшина был двоюродным братом моей матери. Так я паспорт не получил на этот раз. Но мысль о поездке в Питер не бросил и, наконец, уговорил отца меня выпустить из дома - паспорт получили, и брат Андрей отвез меня на станцию Бастуны. Моя мечта сбылась, на второй день после отъезда из дома я прибыл в Петербург, разыскал своих земляков, которые там работали уже года по два и больше. Остановился на квартире у соседа по деревне Ивана Грибовского, он обещал помочь с работой. Прошло пять дней. Я с ним пошел на Невскую заставу на красильную фабрику, приказчик фабрики был ему знаком и принял меня на поденную работу с оплатой жалованья 50 коп. в день. В месяц за вычетом праздников я мог заработать 11-12 руб. Снял себе угол у сапожника в подвале за 3 руб. 50 коп.,

остальные деньги на харчи, баню. Работа была тяжелая и грязная, главное, мытье чанов. Проработал два месяца, заболел и больше на фабрику не пошел, уехал к брату Францу в Кронштадт.

Брат сначала меня отругал за то, что я бросил отца с матерью и братом Андреем, но все-таки устроил на работу в порт на деловой двор за 50 коп. в день. Делал все, что заставят - убирал мусор, землю возил и щебень. Главное, что жил близко к своим - к брату Францу и двоюродному брату Устину Антоновичу, который работал котельщиком и хорошо зарабатывал. Они меня подкармливали. Я уже собирался переходить в портовые судостроительные мастерские, где работал Франц, но счастья и здесь не было. Пришла телеграмма из деревни, что умер отец, брат Андрей здоровьем слаб и остается мать одна. Франц посоветовал мне ехать домой, проводил на поезд до Ораниенбаума. Я уехал. Это было в сентябре 1898 г. Хоронить отца я не успел, так как телеграмма опоздала. Он простыл в поле, получил воспаление и на третий день умер на 73-м году жизни.

Вот я опять дома, опять надел лапти, стерегу скот и помогаю матери по домашней работе. Скоро здоровье брата Андрея поправилось, и после нового 1899 г. он женился, а я снова уехал в Петербург. На работу там не устроился, поехал в Кронштадт - там тоже приема на работу в порт не было, я стал безработным. В это время стало известно, что в Ревеле (Таллин) открылся вагоностроительный завод. Я туда поехал, нашел своего земляка с такой же фамилией - Михаила Ивановича Третьякевича, остановился у него на квартире и пошел на завод. Приняли поденно за 50 коп. на лесной склад укладывать лес в штабеля и подвозить к мастерским. Работали с 6 утра до 7 вечера, работа тяжелая, во дворе под дождем всегда мокрый и голодный. Просился в мастерские - не переводят. Решил уехать на зиму домой, а к весне вернуться в Петербург. Вот я и дома, деньжонок хоть и немного, но было на первый случай. Главное, сберечь денег на дорогу в Питер. Аккурат на первой неделе поста - март месяц - брат меня отвез на станцию и я уехал в Питер.

В Петербурге с помощью земляков поступил на работу в магазин Кирилла Богомазова рабочим. Жалованье - 10 руб. в месяц, квартира и харчи - хозяйские. Работа была не очень тяжелая, но утомительная. В магазине три отдела: железо-скобяной, шорный и москательный. В будние дни магазин открывался в пять утра и торговали до 11 вечера, в праздничные дни торговля шла с 10 ч. утра до 8 вечера. Даже погулять сходить было некогда. С торговлей я освоился и через год хозяин перевел меня за прилавок продавцом. Жалованье установили 15 руб. в месяц и часы торговли сократили по указу городской думы, тут стало работать легче. Я работал до призыва на военную службу, в последний год получал уже 25 руб.

В 1904 г. в сентябре месяце я получил расчет и отправился на родину для явки на призыв в город Ошмяны. На третий день меня забрали на военную службу, признали годным, а после этого выпустили на 17 дней домой. Дома я проводил время больше на охоте с товарищами. Для проводов в армию приехали мои родные сестры и кое-кто из родственников. Плакали как по покойнику, считали, что я больше домой не вернусь, т.к. в это время шла русско-японская война. Прибыл в Ошмяны на сборный пункт, через три дня -

разбивка по частям. Я попал в 6-ой Восточный стрелковый полк, но, т.к. полк был в действующей армии нас в количестве 100 человек направили в 172-й Лидский полк для подготовки. Занятия были усиленными, старались нас обучить в течение трех месяцев и отправить на позицию в Манчжурию. Дисциплина была строгая, но нужно было стараться, иначе будет хуже, если получишь замечание. Вот подошел праздник Пасхи, ребята начали самовольно уходить домой. Ушло 40 человек, остались в команде только дальние. Фельдфебель меня не отпустил, но я все-таки в пятницу вечером ушел и пробыл четыре дня дома. В среду все вернулись в команду. Начальник штабс-капитан Савицкий от большого начальства все скрыл. Решили, что наказания больше фронта не будет.

27 марта 1905 г. выбыли в лагерь около местечка Ораны, и первого апреля уже получили приказ. Нас всех обмундировали, мы отслужили молебен, разбили по эшелонам и отправили в Манчжурию. В пути было хорошо тем, у кого были деньги, можно было все купить на станциях. А мы получали жалование 45 коп. за два месяца.

В Манчжурию эшелон прибыл на 34-е сутки. Мы узнали, что наш полк разбит на фронте и потерял знамя. Поэтому комендант нас назначил в 35-й Брянский полк. Повезли нас по железной дороге на 84-й разъезд. От железной дороги полк стоял далеко, мы его нашли только на пятые сутки. Шли без питания, хлеба негде купить. Некоторые побросали винтовки и патроны, а также лишние вещи. Командира не было, офицер, который был нам назначен, куда-то скрылся.

В полку нас разбили поротно. Я попал в 12-ю роту, где командиром был капитан Храпко Н. Г. Служба пошла по-фронтовому. Стали ходить в сторожевое охранение, а через неделю отправили нас в окопы. Провоевали два месяца, после чего был заключен мир и полк наш отправился на станцию Куанченда, где стояли до отправки в Россию. А пока на зимних квартирах организовали учебную команду, ротный командир назначил старшими 8 человек, в том числе и меня. В апреле поступил приказ из штаба армии о выезде в Россию в город Кременчуг Полтавской губернии, где была постоянная стоянка полка. Радости было много, вернулись живыми в матушку-Россию!

Итак, мы погрузились в вагоны, свисток, поезд тронулся на Харбин. В Харбине эшелон задержали на целые сутки, я отпросился зайти к своему земляку Устину Балбату поговорить - он был вестовым у военного инженера. Его барин, офицер, принял меня как родственника, угостил на славу и дал кое-что на дорогу... В Кременчуг мы прибыли на 30-е сутки. Расквартировались и приступили к военным занятиям, через полтора месяца должно быть выпускное испытание учебной команды. Я сдал успешно, за что сразу был произведен в мл. унтер-офицеры и мне дали взвод. Летом время шло весело, гулять разрешали в установленное время. Нашего фельдфебеля откомандировали учиться в школу подпрапорщиков и я временно его заменял. Меня произвели в старшие унтер-офицеры и в декабре к рождеству отпустили на месяц в отпуск.

Весной выехали в лагерь близ города Чугуева. Осенью меня откомандировали в Ромны для приема новобранцев. Их надо было сопровождать в Петербург, мне это было наруку, чтоб повидать своих родных и знакомых. В это время происходит сокращение службы моего года - часть уходит в запас, а часть еще должна служить до мая. Решали по жребию, за меня вытаскил товарищ - ехать домой. И вот 20 декабря 1907 г. я уже дома.

Праздник отгулял со своей деревенской молодежью, побывал в гостях у сестер и задумался, что делать дальше. Жить дома - надо жениться, делиться с братом. Брат Андрей уже имеет семью пять душ. Земли, скота и другого имущества мало, одному ему кое-как жить можно, а если разделить - гибель обоим. Я решил подшутить, и однажды вечером нарочно говорю брату, чтобы узнать его мнение: буду жениться, собираюсь сватать рябую Лушку (Луцею) Зеленевиц. Отец у нее богатый, был в Америке 5 лет, купим усадьбу у помещика. А брат тут и говорит - женись, но только не бери Луцею, она тебе не пара, а сам тяжело вздохнул. Я сразу понял, как ему тяжело в этот момент, не стал его томить и говорю: дорогой братишка, я тебя никогда не обижу, живи и будь хозяином своего дома, а я уезжаю в Петербург.

Итак, оставил я свою родную деревню и больную, слепую старушку-мать на попечение брата и его жены Елены. В Петербурге устроился на Невской заставе в лавке Ульяна Сергеева, проработал лето, лавку продали за долги, правда, деньги мне уплатили вперед за месяц. В это время я познакомился с девицей Анной Иосифовной Горбач, моей теперешней женой. 2-го февраля 1909 г. мы сошлись, не венчавшись. Я уже работал у Ивана Семеновича Боевского, старого торговца, на Херсонской улице, приказчиком в лавке и продавцом. Жалованье он платил 25 руб. в месяц. Этого мне не хватало, т.к. платил за комнату 12 руб. в месяц, обед и ужин в столовой - 12 руб., табак, баня и др. расходы. Я стал просить хозяина прибавить мне жалование до 40 руб. Он отказал, говорит, что приказчику сколько ни плати все равно воровать будет - сам был приказчиком, знаю. После таких разговоров я к нему на работу больше не вышел. Решил уехать в Москву. Поговорили с Анной Иосифовной, на другой день она меня проводила на вокзал. Я уехал, оставив ее без копейки денег, а уже скоро срок платить за комнату. Положение тяжелое, а тем более, что она, наверное, думала, что я уеду и скроюсь от нее. Но у меня таких мыслей не было.

И вот я в Москве. Знакомых нет, денег нет, надо как-нибудь начинать работать. Случайно познакомился с мастером по ремонту резиновых колес, он мне очень помог - дал инструмент, дал на первый случай резины в долг, посоветовал, где открыть мастерскую. С работой я был знаком и начал действовать. Остановился на Зацепской площади, снял комнату, устроил верстак - все готово к работе, но работы нет. Никто не знает, что здесь такой-то мастер и мастерская по ремонту колес. Пришлось идти по извозничьим дворам рекомендоваться. Сделал одному два колеса как пробные, получились удачно, извозчики остались моей работой довольны. На второй и третий день дали мне столько работы, что пришлось работать день и ночь. Через неделю у меня уже были деньги, я послал письмо жене и сообщил свой адрес. Она

заложила пальто в ломбард и приехала ко мне. Так началась наша московская жизнь, на этой работе я проработал пять лет.

За первый год работы скопилась партия старой резины, которую нужно было продать. Поехал на склад, где покупали резину и продал по 5 рублей за пуд. Дома оставалось еще пудов 30 резины. Чтоб мне не ехать домой, я позвонил жене, чтоб она взяла ломового извозчика и привезла резину на склад, что она и сделала. Мы не подумали - ни она, ни я - что ей нельзя это делать по случаю беременности. Вернулись домой, ей стало плохо, начались схватки, повезли на извозчике в больницу, по дороге она разрешилась - родила мальчика. Назвали его Володей. Жил он недолго, вскоре умер. В 1910 г. родился Михаил, в 1911 г. - Маня, в 1912 г. - Володя, в 1914 г. - Станислав.

В 1914 г. объявили войну с Австрией и Германией. Идет мобилизация. Сразу призывали несколько лет, в том числе призываюсь и я. 19 июня жена и ее сестра Михайлина провожают меня на сборный пункт Спасские казармы. Я пошел прямо в строй. Здесь начали спрашивать, кто больной, чтоб сделали два шага вперед. Я и другие, чувствующие себя больными, вышли вперед. После осмотра у врача меня направили на комиссию, она признала меня больным из-за болезни ушей и непригодным к военной службе навсегда. Я получил белый билет и вернулся домой.

Работа в мастерской по случаю войны совсем остановилась, колеса не нужны. В это время в фирме "Проводник" в Калужском магазине приказчика взяли на военную службу и меня рекомендовали на его место. Меня вызвал управляющий и предложил принять магазин. Я согласился, но при оформлении через Казанскую биржевую артель необходимо внести залог 500 рублей, которых у меня не было. Тогда управляющий Исай Семенович Раецкий пишет поручительство, что он внесет эту сумму. Так я начал работать в магазине, дело знакомое. Скоро сумел отдать 500 рублей. Подыскали себе лучшую квартиру в Мароновском переулке.

В 1915 г. по указу правительства всем белобилетникам была проведена перекомиссия и меня признали годным к нестроевой службе. За три дня я сделал передачу магазина другому артельщику, получил расчет и отправился в Спасские казармы на сборный пункт. В это время заболел Володя и помер. Потом заболел Стасик и умер во время моей отправки на фронт, так что мне не пришлось его хоронить. Погрузились в вагоны, отправились по назначению в 35-й транспортный батальон в 174-й транспорт, где командиром был немец Камилиан Шталь. Произвели разбивку повзводно, вручили каждому по паре лошадей, повозку и сбрую. Мне, как старшему унтер-офицеру, лошадей не дали, а назначили помфуражира. Ребята были москвичи, с лошадьми обращаться и запрягать не умели, а вольных возчиков рассчитали.

Итак, началась фронтовая служба на станции Сеславино близ Молодечно Виленской губернии, то есть моей родной, но родина была занята немцами. Весной 1916 г. наш корпус перебросили на австрийский фронт. Остановились близ станции Киверцы, а потом перешли на станцию Рожище. Сюда приехала меня проведать жена Анна Иосифовна. Я уже был артельщиком, продуктов было изобилие, кормил хорошо и на дорогу снабдил кое-чем. Скоро наши части перебросили на Румынский фронт. Погрузились и поездом доехали до

ст. Раздельной. Там выгрузились и пошли своим ходом. На лошадях передвигаться было трудно - снегу глубоко, лошади падали, приходилось делать остановки, чтоб дать отдохнуть лошадям. Во время остановки в Тирасполе мы с товарищами купили виноградного вина и выпили. Командир транспорта прапорщик, москвич, капиталист Сафронов заметил и начал нас ругать. Я не вытерпел и его обругал. На завтра меня отстранили от должности артельщика и установили надо мной надзор, чтоб я не скрылся. Штаб армии и комендант находились в городе Болгороде, где меня должны были сдать коменданту для предания военному суду. Не доезжая один переход до Болгорода, узнаем, что в России идет революция, царь Николай отказался от престола. Тут про мое дело забыли и я остался несудим. Когда прибыли на место расположения, меня выбрали уполномоченным части. Я по делам поехал в командировку в Одессу, закупил там кое-что для транспорта. Потом наша часть была в Проскурове, где меня избрали председателем транспортного комитета. Долго стоять в Проскурове не пришлось, части нашего корпуса перебросили на Балтийское побережье под город Валка, а потом на станцию Марцен. Здесь особая Гвардейская армия и другие части начали бросать позиции, а нас передвинули под город Двинск. В Марцене состоялся армейский съезд, от нашей части было 10 человек, в т.ч. и я.

На съезде ежеминутно получались телеграммы из Питера. Кронштадт шумел. На фронте было не ясно, что же там происходит - в Питере и Кронштадте. Съезд решил командировать двух уполномоченных от армии - поехали я и Васильев, петербургский плотник. Побывали и в Питере и в Кронштадте, достали часть новой литературы и возвратились в свою часть и армейский комитет. В части работать было трудно - офицеры саботируют. Наш командир 35-го батальона сбежал, командир транспорта Сафронов добился перевода в артиллерию. Тут я заболел и меня отпустили домой в Москву. Так я окончил военную службу.

В Москве была настоящая голодовка, работы нет. Я ездил раза три, а жена восемь раз в Воронеж, Саратов за продуктами. Наконец, решили уехать из Москвы в Воронежскую губернию, станцию Горшечное, село Ясенки к знакомому Копаеву Г. З. Когда уезжали, думали, что проживем зиму и к весне вернемся опять в Москву, но вышло иначе. Меня в феврале 1919 г. мобилизовали работать секретарем сельсовета, а жена Анна Иосифовна решила съездить в Москву кое-что сделать и забрать некоторые вещи. В Москву от Горшечного она ехала 16 суток, заразилась тифом и попала в больницу. Я остался в Ясенках с двумя детьми - Мишей (8 лет) и Маней (7 лет). Скоро меня перевели работать в волость и забронировали, так что я находился в распоряжении военкомата, не мог никуда отлучиться, кроме как на фронт. Писем от жены не получал, не знал, что с нею случилось. Пришлось просить военкома отпустить искать жену. Я ее нашел в московской больнице. Ее скоро выписали, но не надолго, т.к. приключился возвратный тиф и ее снова положили в больницу, а я должен был уехать домой, там остались маленькие дети.

Приступил к работе, приехала жена, но спокойной жизни не было - гражданская война была в полном разгаре. Деникин наступал на Воронеж,

Шкуро свирепствовал, убивал советских работников. По распоряжению Уездного исполкома нам приказано эвакуироваться. Погрузились на подводы - все документы, немного продуктов - и уехали с членами волостного исполкома. По дороге было приказано вернуться, чтоб мобилизовать в Ясенках лошадей. Вернулись пять человек, всех их захватили белые и потом расстреляли, кроме одного, который был беспартийным - ему дали 25 нагаек и отпустили домой. На наш обоз тоже напали, отрезали в селе Кочегур, все бумаги пожгли, продовольствие забрали, человек пять арестовали, но я, мой товарищ Дахин и председатель Ясеновского сельсовета Проскурин успели спрятаться в соломе. Вечером хозяин двора принес нам попить воды и хлеба и предложил отсюда уходить. В ночь, холод и дождь я и Дахин отправились сами не зная куда. Прокрутились до рассвета между Кочегуром и Кулевкой, днем скрывались в ярах и оврагах. А вечером Дахин предлагает мне зайти к нему домой, узнать, жива ли семья, взять хлеба, но я не соглашался и уговаривал его скорее отсюда уходить, иначе попадем к белым. Все Ясенки были переполнены белыми войсками. Но Дахин говорит мне - ты оставайся здесь в коноплях, а я пойду домой, вызову жену, а потом вернусь и пойдём дальше. Оказалось, что его жены не было дома, а открыли ему казаки, схватили его и связали. Началось утро, я его так и не дождался. Позже узнал, что утром два верхника его погнали в Н-Девицк к коменданту, но по дороге, не дойдя Гусевки, в лесу изрубили. А я благодаря туману смог незаметно перейти в лес, где собирал дикие груши.

Самые главные белые части вскоре ушли на Воронеж, в Ясенках войск почти не было, я вернулся из леса домой. Хозяин Булгаков, у которого мы были на квартире, душевный человек, скрывал меня; казакам говорил, что мы беженцы из Виленской губернии от империалистической войны. Так я остался жив. Вскоре под Воронежем и Касторной белых разбили, пришла Красная армия, прибыл уполномоченный от Уезда Бородкин. С помощью военкома организовали временную власть Советов до выборов. Я был секретарем ревкома, а потом Волисполкома.

В 1925 г. по распоряжению правительства начали проводить районирование, я перешел работать секретарем Ясенковского сельсовета, а затем, когда меня избрали членом райисполкома, стал секретарем Президиума Горшеченского райисполкома до следующего съезда. На выборах я как беспартийный не прошел на эту работу, но меня райисполком не хотел отпускать и оставил инструктором по строительству. Вскоре я перешел на торговую работу в село Ясенки. В 1929 г. начали организовывать первый добровольный колхоз "Пробуждение", на собрании меня выбрали членом правления, где я проработал до выезда в Донбасс к старшему сыну Михаилу. Сначала мы приехали на рудник Изварино, где работал сын, затем следом за ним в Сорокино. Тут я поступил работать на овощесклад счетоводом и проработал до самой Отечественной войны.

Оглядываясь назад, вспоминаю, что с малых лет - с 10 - у меня почему-то зародилась мысль уйти из деревни. Я знал, что в городе тоже жить нелегко, трудно устроиться на работу, но еще больше меня страшило остаться в деревне, в тех самых наших белорусских Дудах, где вечно придется сидеть на

болоте - стеречь скот, носить лапти и рваный самоделковый кафтан. Я видел, как наши соседи Грибовские, не уступая друг другу, разделили точно такой участок, как наш, на пять частей и имущество и, в конце концов, остались нищими. Тут же после раздела младший Иосиф пошел в работники к ксендзу за 25 руб. в год, второй и третий пошли работниками к помещику за 35 руб. в год, а самый старший пошел побираться по миру и все они остались нищими. Вот это все осталось у меня в памяти и я только и мечтал жить в городе и совсем не хотел делиться с братом. Иначе мы погибнем оба, особенно Андрей - нигде не бывалый, неграмотный, большая семья - вечный хлеботор и вечный труженик. Он любил меня как брата, но всегда думал, что придет время, и нужно будет делиться, но я свое выдержал и его не обидел. Земля в Дудах совершенно негодная и ее мало, дележа земли в нашей местности никогда не было от самой барщины. Сено можно арендовать только у помещика Милевского или графа Замойского, у которых было болотных участков больше 3-х тысяч, а они им не нужны были - хватало хорошей сухой земли. Крестьяне все болотные участки снимали на один укос по цене 15 руб. Эти места находились в 30 верстах от нашей деревни. Летом на лошади заехать нельзя - болото, нужно идти верст 10 пешком и нести на себе косу, грабли, одежду и продукты. Обычно уходят на две недели, а то и больше, живут на болоте и пьют болотную воду. Копны носят на длинных носилках вдвоем к стожарке. Домой возвращаются все потные, худые. А возят сено уже зимой, когда замерзнет болото, тогда и платят за него. Чтоб добыть денег, нужно продать поросенка, которого выкармливали для себя, да еще уплатить в волость налоги и страховку 7 рублей, отдать за дрова 4 рубля. Тяжело доставался хлеб белорусскому крестьянину, вот почему у нас в Дудах старались скорее уехать либо в города России, либо эмигрировать. Из нашей деревни, в которой 45 дворов, эмигрировало за границу 17 человек и в города России - 19 взрослых и 4 девочки. У помещика работали почти что даром. В самое горячее время уборки хлеба женщинам за жнитво серпом в день платили 25-30 коп. на своих харчах, мужчинам за косьбу косой 35 коп. тоже на своих харчах. Женщинам за копку картофеля полагалось 10-15 коп. Зимние работы для женщин - трепать волокно. Нанимали трепать лен исключительно евреи, платили 7 коп. в день

В 1912 г. мы с женой и двумя детьми вздумали поехать в деревню отдохнуть к брату Андрею. У него было три дойных коровы, а молока и своим детям не хватало, потому что скот не доедал, негде его пасти. Вокруг нашего села пять имений помещиков - польский магнат граф Замойский с одной стороны, дворянин Селянка с другой, земля ксендза с третьей, лес удельного ведомства с четвертой, помещика-дворянина Куликовского с пятой. Деревня между ними как в мешке. Если скот случайно попадет на их луг, то мужика обдерут до основания, а по суду еще дороже будет. Пришлось нам молоко покупать у ксендза.

У нас в Белоруссии почему-то жило много евреев и редко найдешь еврея неграмотного. Грамотные, даже по-русски могут читать и многие писать. Евреи жили лучше крестьянина, хотя им правительство не разрешало иметь собственность на землю. Но за землей некогда было бы торговать, а вся

торговля была в их руках. В каждой деревне обязательно жил один еврей, он арендовал хату и устраивал лавочку. Правда, были и у них бедняки, они занимались каким-нибудь мастерством - кузнец, портной, сапожник, печник, стекольщик и т.д. Суббота у них праздник, они пекут обязательно булки (халу), а также зарежут курицу. В местечке Ивве 75% было евреев, у каждого имелся дом и лавка. В субботу выйдут гулять - все одеты по-городскому и сыты. А крестьяне, которые вечно копаются в земле и навозе, сидят полуголодные с ребятишками в курной хате. (Прочитав эти строки, я подумала, что торговлей заниматься даже поневоле оказалось более выгодно, чем работать и копать в земле).

На этом кончается памятка Третьякевича Иосифа Кузьмича.

Дедушка подробно рассказал о своих родственниках, о себе и о жизни в белорусской деревне в начале века. Жалею, что нет подробностей о войне 1905 г. Мы с моим братом Витей сокрушались, что не расспросили во-время дедушку об этом. Я только помню из его рассказа, что китайцы в Манчжурии продавали пирожки с собачатиной. А когда они жили в Ясенках, дедушка участвовал в самодеятельности и даже исполнял в спектаклях роль Ленина, наверное, из-за своей лысины. Хотя членом партии большевиков он не был.

Бабушка Анна Иосифовна Третьякевич (Горбач) (1889-1976) вышла из семьи столяра в деревне Барово Гродненской области, белоруска. Рассказывала, что когда ее мать Юзефа умерла от родов, осталось пятеро детей, а ей было 10 лет. Отец женился второй раз, у него были дети и от второго брака. В 14 лет бабушка уехала в Петербург, где брат матери устроил ее служить няней в румынскую семью, потом она работала в семье учителя. Она хорошо вспоминала о своей жизни в семье господ, рассказывала, что ее не наказывали, даже если она в чем-нибудь провинилась. Рассказывала также, как во времена холеры в Петербурге вокруг нее на улице люди от болезни падали, а ей ничего не было. У бабушки в молодости была приятная внешность - кожа белая, волосы пышные, руки с тонкими длинными пальцами. Она о себе говорила: я была пышногрудая и пышноволодая. Любила танцевать модные среди простой молодежи в то время танцы - краковяк, польку. На вечеринке у дяди она и познакомилась с моим дедушкой. Недавно я узнала от своей мамы, что у бабушки был хороший высокий голос. Это мама вспомнила довоенные времена, после войны я ни разу не слышала, чтобы бабушка что-нибудь спела. После смерти сына Вити она разучилась даже улыбаться. Бабушка Нюся любила читать Чехова, Горького. Под старость, когда она жила у нас после смерти дедушки в 1956 г., не расставалась с "Робинзоном Крузо", каждый день читала несколько страниц. Речь у нее была быстрая, букву "р" не произносила, писать практически не умела, только расписывалась. Дедушка Ося высоко ценил бабушку, считал, что если бы у нее было образование, она могла бы быть министром. Была любопытна, любила поговорить, могла завести беседу с незнакомыми людьми. Когда позволяло здоровье, даже в старости, ходила с внуками в парк, каталась с моим сыном на каруселях. Когда ей, как матери молодогвардейца Виктора Третьякевича,

писали со всех концов СССР пионеры и приглашали в гости, она мечтала объездить всю страну, очень хотела побывать на Сахалине. Однажды, когда ей было лет 80, она говорит: "Вот если б мне было 60 лет!". Я удивилась и подумала - все мечтают о 20, а она о 60. Теперь, когда мне подходит 70 лет, я ее начинаю понимать. Бабушка была на ногах почти до последнего дня. Она жила у нас, мама за ней ухаживала. Перед смертью она не жаловалась, простонала и сказала "кости болят". В последний день в бессознательном состоянии шептала молитвы, похоже, по-польски, и крестилась как католики. Хотя в жизни была неверующей и никогда не молилась, по-видимому, проявились воспоминания из детства. Бабушка умерла в возрасте 87 лет, похоронена в Луганске.

Интересно, что у дедушки Оси и бабушки Нюси были сестры с редким именем Михайлина. Сестры бабушки жили в Москве. У Михайлины сын Володя погиб в Отечественную войну, одна из дочек другой сестры - Марии - Вера Сихиди проработала всю жизнь кабельщиком на московском заводе "Москабель" и прославилась своим участием в заводской самодеятельности, где она хорошо пела и играла на гитаре, участвовала в спектаклях. О ней писали не раз в заводской газете "Знамя труда". Во время войны она была связисткой в действующей армии.

У бабушки с дедушкой было семеро детей, трое из них умерли в младенчестве, в т.ч. два Владимира. Выжили мой отец Михаил, его братья Владимир (третий) и Виктор и их сестра Мария.

В 1998 г. в издательстве екатеринбургской газеты "Штерн" вышла моя книга "Повесть о братьях Третьякевичах" под редакцией писателя Вайсберга Б. С., где подробно описана их судьба, связанная с Отечественной войной. Их сестра Мария - моя тетя Маня - была учительницей в школе в Брянской области, прожила тяжелую жизнь. В годы войны от голода у нее умерло двое детей и сама она умерла от туберкулеза в возрасте 40 лет, в 1951 г. Похоронена в Луганске. Ее старший сын Вадим воспитывался, в основном, у бабушки с дедушкой. Он был талантлив, хорошо рисовал, писал стихи, играл на мандолине, гитаре. Одно время, когда ему было лет 30, он работал в луганской газете "Прапор перемоги", подавал надежды. Но его потом сгубила водка. Он погиб в дорожной катастрофе, разбился на мотоцикле с другом и неизвестно, где его могила. Его детский дневник я привожу в разделе о войне.

Род Самариных - Радаевых - по линии моего мужа Евгения Федоровича Самарина.

Отец Федор Иванович Самарин (1902-1942) и мать Пелагея Ивановна Самарина (Радаева) (1905-1990) родом из села Ичалки Нижегородской области. Ичалки - старинное село, основано во 2-й половине 16 в. Название произошло от имени мордвина Ичала, который получил эти земли от Ивана Грозного за помощь во время похода на Казань. По рассказам Пелагеи Ивановны, село и окружающие его земли принадлежали помещику Нейгардту. Она вспоминала, как однажды в Ичалки приезжала жена Нейгардта и очень не понравилась жителям села. Жители выстроились в ряд, кланялись ей. Она,

сидя в коляске, завела разговор с какой-то девушкой из толпы. Тон разговора был грубый и насмешливый, что произвело плохое впечатление на толпу. А сам Нейгардт Дмитрий Борисович в царской России был известным человеком. В повести М. Касвинова "Двадцать три ступени вниз" о нем написано, что он имел личные приятельские отношения с Николаем II со времен их совместной службы в Преображенском полку. Имел имения в Нижегородской и Пермской губерниях, был градоначальником в Одессе, губернатором Нижегородским и Екатеринославским. Его родная сестра - супруга председателя Совета министров Столыпина П.А. В 1918 г. Нейгардт пытался вызволить царя, когда тот уже находился в Екатеринбурге, для чего обращался за помощью к послу Германии Мирбаху, надеясь на помощь кайзера. В 1918 г. бежал в Германию.

Родители мужа поженились в 1924 г., переехали из Ичалок в Дзержинск в 1926 г. Он тогда еще назывался Первомайским поселком, был заложен 1-го мая 1925 г. Потом, перед тем, как стать Дзержинском, он в течение двух лет был поселком Растяпино, и только 22 июня 1929 г. переименован в Дзержинск. Здесь они устроились работать на завод им. Свердлова, потом мать работала в детском саду. У них двое сыновей - Евгений (1928-1995) и Анатолий (р. 1937 г.), сведений о родственниках мало. Использую свои записи со слов моей свекрови и брата мужа Анатолия.

Отец Федора Ивановича - дед моего мужа - Иван Михайлович (1876-1929) был из крестьян, носил бороду, любил ходить в валенках. Сохранилась фотография, на которой у него на одной ноге обут валенок, а на другой - сапог. Видно, не хотел расставаться с валенками даже для фотографирования. О матери только известно, что ее звали Агриппина и что умерла она около 1924 г. У деда было две сестры Аграфена и Анна. А детей у деда с бабушкой было четверо. Кроме Федора Ивановича, сын Кузьма (1899-1968) и сестры - Анастасия (1896-1968) и Агафья (1898-1984). Кузьма Иванович был военный, майор, жил с семьей в Киеве, где и сейчас проживают его дети и внуки. О прадедах мужа по линии отца практически ничего неизвестно, моя свекровь только помнила, что прабабушка умерла в 1925 г., причем имя ее она забыла. Конечно, если бы был жив отец мужа, он о своих родственниках наверняка бы больше рассказал.

Отец мужа Федор Иванович имел хороший характер, был непьющий, умел мастерить, плотничать. В 1942 г. его взяли на войну, сначала на оборону Ленинграда, а затем перебросили под Сталинград, где он и погиб у станицы Качалинской. В 1974 г. брат мужа Анатолий с женой и 10-летним сыном съездил в эту станицу, где в братской могиле похоронен Федор Иванович. В сельсовете станицы им показали журнал с записью всех похороненных здесь солдат. Там указан их отец и приведены данные матери - фамилия, адрес.

Примета, что посуда бьется к счастью, не всегда подтверждается. Перед тем, как получить похоронку, мать мужа уронила на пол большую стопу тарелок, и они все разбились. Так как похоронка потом была утеряна, Дзержинский военкомат в 1987 г. выдал ее дубликат:

Гр. Самариной Пелагее Ивановне.

Извещение - дубликат.

Ваш муж красноармеец Самарин Федор Иванович, находясь на фронте Великой Отечественной войны, ранен в бою и от ран умер 10.12.1942 г.

Основание: Извещение полевого госпиталя № 27 в Д №158, том 5 лист 436.

Подлинник извещения вручен жене Самариной П.И.

Военный комиссар г. Дзержинска подполковник (Щербинин)

Сохранилось единственное письмо Федора Ивановича с фронта, написанное на картонке от акварельных красок. Обратный адрес: 827 полевая почта, 3 гвард. стрелк. полк минбатальона, 2 рота, 1 взвод, Самарин Ф. И.

Вот оно с небольшими сокращениями.

"Здравствуйте!

Уважаемые и дорогие мои Поля, Женя и Толя. Шлю я вам привет горячий, красноармейский и хорошие пожелания. Поля, получил от тебя открытку 25.07, она послана 15.07, за что сердечно благодарю, но письма еще не получал. Поля, из Ичалок получил письмо от Гаши (сестры). Она пишет про моих товарищей Панкова и Силина, что они тоже на фронте. От Кузи не получал писем, а от тебя получил 26, очень и очень благодарю. Письмо мне принесло радость, и я даже делился этим с товарищами. Пиши и в дальнейшем так и еще отвечай на мои вопросы и пиши так, чтобы перед тобой лежало мое письмо, вот и на все ответишь правильно. Поля, я тебя спрашивал, сколько тебе платят пособия на моих деток и почему ты не шлешь в письмах по два листика чистой бумаги, ведь сама видишь, на чем мне приходится отвечать...Письмо пишу третий день, все время не выберу. От мамоньки и Паши тоже получил письмо, за что очень благодарен, что Паша так сердечно ко мне относится. Пропиши, почему продукты на базаре в Дзержинске и что бывает. Писем много приходится писать, но бумаги нет и конвертов тоже. Ты мне высылай, это можно в конверте, Гаша прислала четыре листика. Поля, денег мне сюда не надо, я сегодня получил зарплату 40 руб. и то их некуда девать. Я тебе вышлю. Если бы стояли около деревни или стояли во Владимире, там много требуется. Привет передай Быстрецким, Матвеевым и Коньковым. Пиши больше и чаще, буду ждать с нетерпением и главное, пускай напишет сам Толя.

Пока до свиданья, остаюсь с уважением к вам ваш Федор Самарин.

Целую всех заочно, а Толю поцелуй за меня сама, Жене пошли привет от меня в Ичалки.

27.07.42 г. 10 часов вечера".

Рядовой Самарин Федор Иванович занесен в Книгу Памяти погибших в Отечественной войне по Нижегородской области (том 7, стр. 139, 1994 г.).

Осталась Пелагея Ивановна с двумя детьми (14 и 5 лет) практически без средств к существованию. Имея образование два класса сельской школы, работала няней в детсаде, в который ходил ее младший сынишка. Большим подспорьем был огород рядом с домом на ул. Урицкого, где они жили в деревянном двухэтажном доме без удобств. В доме проживало несколько семей, они жили в квартире с одними соседями. Зимой дом промерзал, вода в ведрах в квартире замерзала. Топить приходилось дровами.

Мужественная Пелагея Ивановна достойно вырастила сыновей, они окончили успешно химический техникум, а потом ВУЗы - старший сын Евгений - политехнический в г. Горьком в 1953 г, младший Анатолий - химфак МГУ в 1961 г.

Дальше родословная развивается так: Евгений Федорович - это мой муж, у нас двое детей и трое внуков. Анатолий женился на Аиде Горелик. У них тоже двое детей и пока двое внуков.

Пелагея Ивановна из рода Радаевых-Шуваловых. Удалось восстановить цепочку родословной до прадедов моего мужа благодаря рассказам его матери и ее сестры Матрены Ивановны Матвеевой, прожившей 90 лет (1902-1992).

Родители их отца Алексей Кузьмич и Наталья Никитична поженились, когда им было 17 и 16 лет. Рассказывали, что когда ходили компанией за грибами, то казалось, что это среди взрослых идет мальчик - такой он был маленький, а уже муж. Родственники над этим смеялись. Но потом он вытянулся. У них было шестеро детей - трое сыновей и три дочери. Один из сыновей - отец моей свекрови Иван Алексеевич (1877-1940) - заметная фигура в селе Ичалки. Он славился как талантливый кузнец, как остроумный и дерзкий мужик. Охотился, рыбачил, мастерил. Тетя Мотя говорит: "Отец много ловил рыбы, так что мы рыбки поели". Мой муж в детстве проводил лето в Ичалках у деда с бабушкой, у него осталось много ярких воспоминаний о деде, его острые прибаутки и присказки. Муж там, будучи мальчишкой, в речке Пьяне научился плавать.

С кузнецом, как правило, расплачивались водкой, это ни к чему хорошему не приводило. Считается, что он и умер от водки из-за болезни печени. Возможно, он к ней пристрастился, когда некоторое время работал на винокуренном заводе кем-то вроде механика, где прославился своей природной смекалкой и талантом.

Есть некоторые сведения даже о прапрабабушке моего мужа - Радаевой Надежде Антиповне (умерла в 1905 г.). Она сначала вышла замуж за Кузьму Радаева, а после его смерти - за Андрея Назарова. И хотя Назаров ее детей от первого брака не усыновил, они считались Назаровыми. Как рассказывала тетка мужа Матрена Ивановна, уже после революции с документами разобрались и все дети стали снова Радаевы. Несмотря на это за дедом мужа - кузнецом - до старости оставалась кличка "Назарка".

А у прадеда мужа - Алексея Кузьмича - нрав был крутой. Рассказывает тетя Мотя: "Примерно в 1905 г. дед велел сыну Ивану, нашему отцу, почистить омшаник. А он вместо этого взял у соседа ружье и пошел на охоту. За непослушание отец выгнал 28-летнего женатого сына из дому вместе с семьей. Нас пожалела двоюродная сестра матери Макарьевна, дала даже 10

мер ржи, а прабабушка Антиповна дала ларь для хранения ржи. За это дед и ее, свою мать, прогнал! Но она ушла даже с удовольствием к нашей маме, к "Машатке", где вскоре и умерла. А наша бабушка Наталья Никитична (умерла в 1930 г.), когда ее спрашивали, сколько ей лет, отвечала: "9-й идет". И добавляла: "Спросите Вашку, он знает, сколько мне лет"- т.е. сына Ивана.

Моя свекровь Пелагея Ивановна и ее сестра Матрена, когда вспоминали свое прошлое, то обычно все разговоры велись вокруг отца - кузнеца Ивана Алексеевича - его характере, умении, острых словечках. Кстати, их речь тоже изобиловала всякими народными изречениями. В их семье часто рождались дети и умирали, прожив несколько дней. Всего детей было более восемнадцати, но до взрослого состояния выжило только четверо. Их мать Мария Ивановна (1877-1953) происходит из рода Шуваловых. У ее родителей было пятеро детей. По рассказам дочек "мама была умная, хорошая, не ругалась". К старости совсем оглохла. Это передалось и дочкам, они тоже плохо слышали, правда, им было уже за 80. По их рассказам отец матери - Шувалов Иван Яковлевич - был "нерушный", т.е. не умел и не любил что-либо делать своими руками, за что его все осуждали.

Матрена Ивановна, тетка мужа, была его крестной матерью, а крестным отцом - двоюродный дядя Павел Шувалов. Тетя Мотя интересно рассказывала, как проходило крещение в церкви в Черном селе под Дзержинском, в декабре 1928 г.: "Поп был хромым. Идет впереди с Женей на руках, сильно хромает. За ним идет крестный, молодой тогда парень 22-х лет, комсомолец - и полностью передразнивает походку попа. Я иду сзади и умираю со смеху". При этом тетя Мотя сама демонстрировала, как все происходило. Может быть поэтому мой муж всю жизнь был атеистом. Еще она любила вспоминать, как с ним, двухлетним, она в обнимку каталась по траве то в одну сторону, то в другую, когда летом были в Ичалках. Часто рассказывала историю, как некоторые в Ичалках использовали лягушек для охлаждения молока, в частности приводила такой пример - попросил мимо идущий путник в одном доме молока, хозяйка вынесла кувшин и прежде, чем ему дать, говорит: "Подожди, выну из молока холодило" и достает рукой из кувшина лягушку. Тот сразу и убежал. Возможно, это сказка.

Она была очень колоритной самобытной личностью. Имея за душой три класса сельской школы, она и ее сестра, моя свекровь, которая окончила только два класса, знали наизусть много стихов, уйму пословиц и поговорок. Вспоминаю, как они в два голоса декламировали очень длинную сатирическую поэму про кайзера, когда им было - одной 82, а другой 85 лет. Жалею, что не записала эти стихи, а автора они не знали. Кстати, моя свекровь в школе была отличницей, но после второго класса отец не дал ей учиться: "Читать, писать умеет, а больше и не надо". А вообще, в Ичалках в школе мальчиков учили четыре года, а девочек три.

Матрена Ивановна была набожной, любую молитву знала наизусть, и Пелагея Ивановна, хотя и не молилась богу, тоже хорошо знала библию и молитвы. Умела быстро читать по-старославянски псалтыри и другие старинные книги. Характеры у сестер были разные. Младшая Пелагея - спокойная, рассудительная, а Матрена - вспыльчивая, нервная, острая на язык. По ее

рассказам, в юности цыганка ей нагадала, что она умрет в 30 лет. Всю жизнь она нервничала и ждала свою смерть, которая пришла к ней в 90-летнем возрасте. Она вышла замуж в большую семью, была уже шестнадцатой. С мужем Семеном Ивановичем Матвеевым (1903-1984) они перенесли и тяжелое горе - на войне погиб их старший 19-летний сын Володя (1923-1942). Был талантливый парень - играл на гармонии, рисовал, увлекался фотографией, имел хорошие руки. Их род продолжает младший сын Юрий с женой Галиной, есть внуки и правнуки. Брат сестер Александр Иванович Радаев (1915 - 1941) пропал без вести на фронте. Кто - то рассказал родственникам, что поезд, в котором он вместе с другими солдатами перебазировался на фронт, попал под бомбежку. Осталась в селе Ичалки его жена Прасковья с сыном Костей. Теперь уже трое взрослых внуков.